

Андрей Погудин

МАСТЕРА *иллюзий*

12+

Андрей Геннадьевич Погудин

Мастера иллюзий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42544071

SelfPub; 2019

Аннотация

Рушатся главные святыни человечества, полиция сбивается с ног в поисках виновного, но служители закона не в силах предотвратить новые взрывы. Да и как это сделать, если неведомый террорист пришел из параллельного мира и обладает невиданными способностями мастера иллюзий? Впору молиться или искать другого мастера! Тем более один такой живет в городе на Неве, вот только еще не знает о своем предназначении...

Посвящается маме
Мастера иллюзий

Действительность — это всего лишь иллюзия,
хотя и очень стойкая.

А. Эйнштейн.

Глава 1

Санкт-Петербург. Невский проспект. Площадь перед Казанским собором.

Пронизывающий осенний ветер гнул ветви тополей, трепал одежду, заставляя прохожих зябко ежиться и поднимать воротники. Стайки опавших листьев кружили по площади. Меж столбами выгибались рекламные растяжки, с тупым упорством заманивая людей в магазины, автосалоны, торговые центры или на выставку очередного гениального художника. Низкие серые облака висели над городом.

Погода для зарисовок просто отвратительная, подумал Артем, в очередной раз поправляя мольберт. Но что делать, если защита дипломного проекта через три дня, а в папке только наброски, причем не самые лучшие? Нет в них той завершенности, некой искры, превращающей изображение на бумаге в живых людей с чувствами, мыслями и характерами. Как там говорил декан Олег Арсеньевич Чижов, по прозви-

щу "Лего"?

– У вас, Любимов, талант к написанию масштабных полотно с персонажами, вы умеете видеть то, на что другие не обращают внимания, вот и отразите это в дипломной работе. Назначаю вам тему: "Портрет нашего города".

Артем, помнится, даже радовался: не надо искать подходящей натуры, ехать куда-то. Все под рукой – выходи и рисуй... но с ходьбой не заладилось.

Дождь тогда начался внезапно. Теплый, летний и такой сильный, что Артем моментально вымок до нитки. Прохожие прятались под козырьки подъездов, бежали по пузырящимся лужам, кто-то искал спасения в летнем кафе, укрытом от непогоды огромными зонтами. Мокрые официанты разносили горячие напитки, дождевые капли падали в чашки, но посетители не роптали: ничего страшного, тот же кофе по-турецки, правда, с холодной водой уже смешанный.

Артем краем глаза привычно подмечал эти детали, а сам торопливо шагал по тротуару. Рубашка ложилась второй кожей на его жилистое тело, красиво обрисовывая квадратики пресса. На девушек тоже приятно смотреть: немногие захватили с собой зонтики, и теперь мокрая ткань откровенно облегает волнующие выпуклости и впадинки. Ух ты, а та красавица совсем не признает нижнего белья! Артем даже остановился, чтобы лучше рассмотреть спешащую нимфу, заметил ее стеснительную улыбку и в этот момент раздался визг тормозов. Сколько всё же аварий происходит по вине жен-

щин!

Последняя мысль пришла к Артему уже в больнице. Боле-ла спина, на руках алели свежие ссадины, а над правой ногой колдовали два врача. Рядом стоял аппарат с надписью "Кабинет рентгена". В дверь палаты заглядывал встревоженный мужчина, сбивчиво объясняя:

– Доктор, я же не хотел... только повернул, а тут он стоит. Я же "Пеугеот", тьфу ты, "Пежо" недавно купил, но вожу хорошо, не думайте... теперь вот вмятина на капоте, бампер треснул, но это пустяки, конечно, страховка покроет... парнишка-то как?

– Нормально, жить будет. Перелом не из простых, но перень молодой, кость быстро срастется. Хорошо, что сразу привезли.

– Да что я... ой! Инспектор идет, это за мной, наверное. Вот, визитку оставляю, если что понадобится, звоните, – сказал водитель уже Артему. – Прошу меня извинить...

Дверь за ним закрылась. Медсестра спросила у Любимова фамилию-имя-отчество и уточнила про полис. Голову больного осмотрел нейрохирург, каталка проследовала в операционную. От вида блестящих инструментов и запаха спирта Артема зазнобило. Анестезиолог достал шприц, по игле скатилась прозрачная капелька. Тем временем медсестра принесла конструкцию из множества стержней, напоминающую диковинный пыточный инструмент. Хирург повернулся к Артему:

– Как же вас так угораздило, молодой человек? На дороге не стоять надо, а идти быстрым шагом и желательно на зеленый свет.

– Девушка...

– А, тогда понятно. У вас перелом берцовой и трещина в бедренной кости, сейчас мы быстро всё починим. Больно не будет, договорились?

Артем слабо кивнул. Тело стало чужим, мелькнула страшная мысль: "А вдруг отрежут?!". Слепящие лампы расплылись и погасли.

Врач не лгал: боли во время операции не было, но вот после... внутри что-то дергало и тянуло, нога налилась тяжестью, бил легкий озноб. Еще и голова словно дурная – мысли барахтаются в желе, заменившем мозг, как мухи в патоке, да и лень их подгонять. Сбоку кто-то застонал. Артем нехотя скосил глаза. Закованный в корсет мужчина смотрел на медсестру, делающую укол. Вот его лицо разгладилось, губы тронула улыбка, на бледной коже проступил румянец.

– Спасибо, сестричка. Почаще бы ты мне морфий колола, так хорошо становится.

– Нельзя, герой, наркоманом станешь.

– Да ты что?! Нет, родная, я себе не враг, выдюжу. А хочешь, расскажу, как от "Камаза" уходил?

– Ты мне уже три раза рассказывал, вон у тебя сосед после операции очнулся, с удовольствием послушает про твои подвиги.

Медсестра вышла, а мужчина повернулся к Артему. Оказалось, они собратья по несчастью, тот тоже стал жертвой дороги. Поехал с семьей на дачу и вдруг встречный грузовик вышел в лоб его "шестерке". Деться некуда – справа бетонное ограждение, если только выворачивать влево, но тогда ставишь под удар жену и детей, сидящих сзади. Мужчина выворачивать не стал. Многотонный "Камаз" протащил "Жигули" метров пятьдесят, пока не остановился. Рулем мужчине раздробило ребра, ноги зажало, но зато родные отделались лишь царапинами да ушибами. Вот только теперь боль такая адская, что хоть на стену лезь, лишь наркотики и спасают.

Действительно герой, отстранено подумал Артем. Инстинкт самосохранения заставляет человека сделать все, чтобы остаться в живых, почему и самое безопасное место для пассажира в автомобиле находится за водителем. А этот принял удар на себя, пересилил естество, и все это в считанные секунды до столкновения. За что теперь ему такие мучения? В подобные моменты Артем не верил в Бога.

Ночью мужчина умер.

Артем пробыл в больнице месяц, пока хирург не разрешил выписку. Друзья перевезли Любимова в общежитие, девушки с курса по очереди баловали его жареной курочкой и пирогом "Невский", но дипломный проект застопорился. Пришлось переносить защиту на осень. После освобождения ноги от безумно надоевшей конструкции Артем понемногу

начал выбираться на улицу, опираясь на тросточку, а сейчас уже обходился и вовсе без нее – лишь легкая хромота напоминала о переломе. Самое время вплотную заняться дипломной работой, но вдохновение будто покинуло Любимова...

Артем вновь оглядел площадь в поисках чего-либо, способного подстегнуть воображение. Такое впечатление, что ветер усилился. Одна женщина даже повернулась и пошла спиной вперед, пряча лицо за высоким воротником. Она задела прохожего, второго, но не остановилась, а лишь чуть повернула голову, чтобы видеть происходящее сзади. Карандаш Артема сначала запорхал над бумагой, стараясь схватить образ, но рука двигалась все медленней и медленней, пока не остановилась вовсе. Не то! Фигура получается скособоченной, ломаной, точно женщину радикулит разбил. Артем досадливо скомкал листок и замер.

Через дорогу стоял мужчина в несколько странном одеянии: длинный черный плащ, шляпа с большими полями, высокие сапоги, напоминающие ботфорты. Незнакомец скрестил на груди руки и преспокойно разглядывал собор в центре площади, не обращая внимания на спешащих прохожих, а те огибали мужчину, как река огибает неприступный валун, и нисколько не удивлялись его старомодной одежде. Но привлекло внимание Артема даже не это.

Ветер.

Бушующий вокруг ветер хлопал вывесками, гнал по тро-

туару листья, рвал из рук пакеты, а поля шляпы незнакомца не шелохнулись, и плащ стекал с плеч ровными волнами, подобно бронзовому одеянию памятника.

Карандаш зашуршал по бумаге.

Такое состояние посещало Артема редко – кончики пальцев покалывает, глаза не мигают, а руки двигаются без всякого контроля мозга. Будто и не он сам, а кто-то другой водит карандашом, спеша запечатлеть увиденное.

Подобный транс Любимов испытал последний раз с месяц назад, когда сидел на балконе общежития, а низко в небе проревел военный самолет. Стекла завибрировали, на стоянке заголосили автомобили, и рука тут же потянулась к планшету. Когда растаял инверсионный след, Артем остановился. На рисунке красовался хищный истребитель, рассекающий воздух серебристыми крыльями, цельный образ боевой машины портил лишь неосторожный штришок в области фюзеляжа...

Резкий порыв ветра дернул листок. Грифель чиркнул по изображению собора, Артем досадливо поморщился, хотя... вот это он и называет вдохновением. По нарисованной улице спешат прохожие, кружит метель из листьев, а посреди суеты два неподвижных островка: величественный храм и мужчина, взирающий на него. "Человек пришел к Богу" – тут же придумал название Артем. Сходство с оригиналом несомненно, схвачены мельчайшие детали: блестящие пряжки на ботфортах мужчины, его пронзительный взгляд, застывшие

складки одежды... Любимов поднял голову. Собор никуда не делся, а вот странный незнакомец исчез.

– Nil admirari*, – раздался хрипловатый голос за спиной Артема.

Он резко повернулся и уставился на мужчину в старомодном одеянии. На вид ему можно было дать лет сорок, лицо его то прорезали морщины – когда он говорил, то кожа полностью разглаживалось. Подбородок с ямочкой, на шее виднеется шнурок с дымчатым шариком, из-под шляпы выбивается длинная челка, а глаза... темно-голубого цвета, какие бывают только у новорожденных. Они то озарялись отсветами давних пожаров, то чернели космосом. Глаза затягивали омутами, приковывали взор, неудивительно, что мужчина скрывал их за челкой.

Артем с трудом оторвался от гипнотизирующего взгляда и заметил, что одежда незнакомца под стать изменчивому лицу: вблизи стало видно, что ткань как бы подернута дымкой, цвет ее меняется от серого до иссиня-черного, а с поверхности в стороны расползаются струйки тумана, истаивающие в воздухе. Такое ощущение, что мужчину облили кипятком и теперь он исходит паром на морозе. Вот только до зимы еще далеко.

Незнакомец поднял в приветствии два пальца к шляпе, и наваждение тут же исчезло, силуэт обрел четкие контуры, а взгляд потерял таинственность, оставив лишь искорку интереса.

– Что вы сказали? – спросил Артем.

– О, прошу меня извинить, monsieur*, привычка думать и говорить на разных языках часто подводит, – признался с легким акцентом мужчина. – Меня заинтересовала ваша картина и вы сами. Мое имя Вобер. Клод Вобер.

Артем представился в ответ и пожал протянутую руку. Длинные пальцы мужчины могли принадлежать пианисту, хирургу или саперу. Любимов неожиданно для себя произнес:

– Вы похожи на Гая Фокса. Ваша одежда...

– Да, да, немного старомодна, но мне в ней удобно. А за сравнение спасибо, интересный человек был... хоть и обу-реваемый революционными идеями, но решительный и сме-лый. Когда здоровался, всегда руку тряс столь сильно, будто оторвать её хотел и с собой унести, – улыбнулся Вобер.

– Вы его так характеризуете, будто лично знакомы, – заметил Артем.

– Хм, но ведь вы тоже имеете некое представление о так называемом террористе, хотя он давно умер. Откуда?

– Недавно смотрел фильм про него, – честно признался Любимов.

– O tempora, o mores!* Сегодняшнее поколение воспита-но ти-ви и Голливудом. Но я хотел бы всё-таки поговорить о вашей картине, вы не против? У вас зоркий глаз и это на-водит меня на определенные размышления, гм... рисунок очень точен, видно, что вы прирожденный художник. Не же-

лаете его продать?

– Нет... – опешил Артем. – Это же часть моей дипломной работы.

– Я хорошо заплачу. Всё равно нет? Понимаю, что ж... очень жаль. Разрешите хотя бы рассмотреть его вблизи?

– Пожалуйста, – сказал Артем и развернул мольберт к мужчине.

Вобер наклонился, пристально разглядывая картину, и даже что-то измерил пальцами на изображении собора. Артем молча наблюдал за его манипуляциями, не зная, что и думать о новом знакомом. Несомненно, иностранец, но порусски говорит очень чисто. Шпион? Ага, так не оделся бы даже щеголь Бонд. Просто турист? Но почему тогда прохожие не обращают внимания на его странную одежду, точно и не видят вовсе? Да еще эта размытость облика, внезапно обретшего четкие границы. На зрение Артем никогда не жаловался, но тут впору обращаться к окулисту. Вобер, наконец, оторвался от созерцания рисунка.

– *Incredibile dictu**, – пробормотал он и, повернувшись к Артему, сказал: – У вас редкий дар, господин Любимов, вы где-то учитесь?

– В Академии художеств.

– Понятно. Раз вы не хотите продать картину... точно не хотите? Угу, тогда прошу меня извинить – дела. *Au revoir!**

Артем кивнул, так и не решившись что-либо спросить, а Вобер быстрым шагом пересек площадь и проезжую часть,

совершенно игнорируя автомобили. На удивление – водители спокойно притормаживали перед ним и даже не сигналили. Через мгновение черный плащ растворился в толпе. Артем глубоко вздохнул – надо продолжать работу, какие бы странные вещи кругом не происходили. Он в очередной раз повернул мольберт против ветра и понял, что же так тщательно измерял Вобер.

Неосторожный штрих на стене собора чернел подобно разлому.

* * *

Более такое вдохновение Любимова не посещало, но зато и случайные встречи не мешали работе. Артем исколесил весь город, переноса на куски ватмана любое мало-мальски интересное зрелище. Два патрульных выдворяют нищего из метро, рабочие закрепляют на платформе памятник бывшему вождю, женщина продает горячие пирожки – все нашло отражение на бумаге. За три дня он почти закончил великолепную панораму, выстроив сюжет вокруг Казанского собора и мужчины в черной одежде. "Человек пришел к Богу".

Утро застало Любимова за чистовой штриховкой картины. Размяв онемевшую поясницу и зацепив чайник, он поплелся на кухню. Из зеркала на него глянул взъерошенный тип с красными от недосыпа глазами. Артем умылся холодной водой, чашка растворимого кофе примирила его с началом нового дня. Бережно свернутый ватман устроился в тубусе, зачетка и студенческий билет нырнули в карман. Уже

насвистывая какую-то мелодию, юноша спустился на лифте и поздоровался с вахтером. Тут материализовался комендант общежития – Серафима Александровна, называемая студентами не иначе как "жаба" из-за исключительной вредности характера.

– А, Любимов, здравствуй! На защиту?

– Ага, – буркнул Артем, гадая, чего это коменданту от него понадобилось.

– Ну, желаю удачи и хочу напомнить, что комната за тобой числится до сегодняшнего дня.

"Жаба" обворожительно улыбнулась, Артем скорчил гримасу. За хлопотами он совершенно забыл о сроке проживания. Все его друзья уже давно разъехались по съемным квартирам и родным городам, один он застрял. Сокурсник звал в фирму по дизайну, но там принимали только с дипломом о высшем образовании, будто эта бумажка ещё что-то значила!

Любимов кивнул коменданту, расправил плечи и вышел на улицу. Глаза заслезились от ярких солнечных лучей. Под перестук колес Артем повторял заготовленный доклад, отвлекаясь на мелькающих за окном девушек. Трамвай доставил в Академию, где уже ждала приемная комиссия – отдохнувшие за лето профессора в благостном настроении.

Вопросов почти не было, лишь преподаватель живописи поинтересовался, почему студент не использовал в работе краски. Артем не успел ничего ответить, как за него вступился Чижов:

– Мы с Любимовым этот момент сразу обговаривали, он хотел выполнить проект в графике. И думаю, сделал это замечательно.

Возражений не последовало. Плавая в розовом тумане, Артем дождался заветной синей книжицы и вернулся в общежитие, где порадовал Серафиму оценкой "отлично" – теперь настал ее черед гримасничать. Любимов же позвонил с вахты другу и постарался говорить как можно громче о работе в дизайнерской фирме и переезде к тому на квартиру, чем окончательно добил "жабу". Напевая вполголоса "шикадам", Артем собрал вещи, сдал ключи и уже через час переступил порог Диминой "двушки".

– Такое событие полагается отметить! – заявил Нестеров. – Место в фирме тебя ждет, у меня два дня выходных, так что в бар, всем в бар!

Паб "Капкан" хозяева постарались отделать в стиле ирландской пивной: столы и лавки из темного дуба, торчат из пивных бочек краны, рядом доски с написанным мелом меню, фото игроков с поддельными автографами, флажки клубов, а над стойкой – огромная плазменная панель. Обычно здесь транслировали футбольные матчи, но Артем с Димой прибыли слишком рано и на экране шли пятичасовые новости. Корреспондент брал интервью у крупного чиновника. Тот говорил, что за десятилетие реформы бывшей милиции, привнесения сюда лучшего западного опыта и даже некоторых штрихов царской России, престиж службы значительно

повысился, возросло уважение к мундиру среди обывателей и улучшилось раскрытие преступлений...

Заказав по кружке демократичного "Жигулевского", которое тут называли не иначе как "Ирландский эль", приятели устроились за столиком. Официант принес жареные колбаски, соус и сырны гренки. Дима решил позвонить "одной очень близкой знакомой, у которой куча классных подруг", Артем лишь кивнул и пригубил пиво. Первый глоток – самый важный, надо прочувствовать его, тогда и пирушка удастся. Артем закрыл глаза, наслаждаясь чуть горьковатым вкусом, когда бармен прибавил звук в телевизоре.

– Мы прерываем наш выпуск для экстренного сообщения, – раздался звенящий от напряжения голос. – Только что неизвестными взорван Казанский собор, количество жертв уточняется. К месту трагедии стягиваются полиция, спасатели и пожарные. Подробный репортаж в прямом эфире через...

Взволнованный диктор еще что-то говорил, но Артем его уже не слышал.

"Человек пришел к Богу".

И не успел.

* * *

Nil admirari лат. – Ничему не (следует) удивляться.

monsieur фр. – сударь, господин.

O tempora, o mores! лат. – О времена, о нравы!

Incredibile dictum лат. – Трудно поверить.

Au revoir! фр. – До свидания!

Глава 2

Санкт-Петербург. Невский проспект. Департамент полиции.

...С конца двадцатого века Россию захлестнул шквал преступлений с использованием взрывчатых веществ. Буйнакск, Волгодонск, Москва первыми пострадали от действий террористов. Но это была лишь верхушка айсберга. Чаще всего взрывные устройства использовали в организации заказных убийств, "адские машинки" мелькали в полицейских сводках как главные фигуранты по делам, связанным с уничтожением чужой собственности в целях мести или устрашения, а также в разделе сфер влияния между преступными группировками.

Специальные службы и полиция оказались неподготовленными к ведению эффективных действий по раскрытию всё увеличивающегося числа таких преступлений. У многих следователей, оперативных работников и экспертов-криминалистов расследование подобных дел вызывало серьезные проблемы: в половине случаев при осмотре места взрыва не находили никаких следов и вещественных доказательств, связанных с конструкцией устройства, а в трети не определялась природа взрыва и его причины. Именно поэтому, когда в Санкт-Петербурге отгремели первые теракты, генерал Кра-

сильников создал особое подразделение, куда вошли специалисты в разных областях.

Глеб Шаврин – опытный взрывотехник, способный по малейшим признакам определить тип устройства и обезвредивший их столько, что хватило бы и на роту саперов, – пришел в полицию после истечения срока армейского контракта. Леонида Кузьмина Красильников отобрал у экспертов-криминалистов, где тридцатилетнему аналитику прочили большое будущее. Малый штат отдела "Сигма" дополнили трое: опытный водитель Роман Зотов, молодой оперативник Георгий Беридзе и Светлана Саблина – девушка двадцати двух лет, откликающаяся исключительно на ник Лана.

Выпускницу МГУ в отдел сосватал ее отец Лев Николаевич Саблин – руководитель СНП* Санкт-Петербурга – после того, как отмазал дочь от обвинения во взломе сервера банка "Югория". Красильников сначала противился, но Лана действительно показала себя специалистом в знании компьютерных программ и средств связи, кроме того, серьезно хотела работать и тем самым заслужить одобрение папочки. Генерал согласился и у Саблина сбылась заветная мечта – пристроить продвинутую дочку к делу.

Командир "Сигмы" Павел Аркадьевич Смолин отучился на востоковеда со знанием арабского языка, но с научной карьерой у него не сложилось. Получил второе "высшее", отработал в уголовном розыске двадцать лет, имел несколько наград и независимый характер, по причине которого дослу-

жился лишь до майора, хотя многие в Департаменте признавали, что он – сыщик от бога. Кряжистый, с ежиком непокорных волос, Павел отличался упорством и решительностью, минимум нераскрытых дел доказывали его талант следователя.

Благодаря сигмовцам удалось предотвратить с десяток терактов, а также поймать сотню мелких и с десяток крупных бандитов. Смолин лично задержал преступного авторитета Отара Гигашвили и засадил на скамью подсудимых всю группировку Сибмаша. Кроме того, особисты сыграли не последнюю роль в доказательстве причастности олигарха Жуковского к серии заказных убийств. Но главной задачей "Сигмы" оставалось предотвращение терактов, поэтому, когда Павлу позвонил дежурный и сообщил о взрыве Казанского собора, у майора потемнело в глазах. В руинах исторический памятник, красивейший храм, а главное – при таком теракте неминуемы человеческие жертвы, и часть вины за это лежит на нем, Смолине. Вовремя не узнал, не предупредил, и зачем тогда особые полномочия, кропотливо выстроенная сеть информаторов, когда такой взрыв – как гром среди ясного неба?

На столе зазвонил телефон. Слушая рычание Красильникова, Павел прикрыл глаза. Монолог генерала сводился к тому, что если командир "Сигмы" узнаёт о теракте чуть ли не из телевизионных новостей, то грош цена такому командиру в частности и всему отделу в целом. Выговорившись,

Красильников бросил: "Работайте! Жду доклада!", и положил трубку. Достав сотовый телефон, Смолин обзвонил подчиненных. Лана выходила из метро, Глеб что-то мастерил в подвале, Зотов в тире переводил патроны, Беридзе ушел по адресу, а Кузьмин ехал на мотоцикле за квартал от базы. Уже через десять минут монструозный "Форд-Центурион" вылетел из подземного гаража Департамента и понесся по Невскому проспекту, дополняя сирену рыканьем клаксона и вспышками стробоскопов.

Ехали молча. Глеб старательно разглядывал через тонированное стекло городской пейзаж, чтобы ненароком не встретиться с холодным взглядом командира. Лана щелкала клавиатурой ноутбука, проверяя сообщения от агентов, и попутно задавала параметры поиска для телефонных переговоров. Она могла бы заниматься этим и в кабинете, но майор специально взял девушку на выезд – пускай посмотрит, что бывает, когда они заваливают дело. Леня заглядывал ей через плечо и что-то нашептывал. Под искусным управлением Зотова тяжелый джип легко проскальзывал в просветы автомобильного потока, вскоре команда прибыла на место трагедии.

Здесь уже работали пожарные, полиция оттеснила людей и ставила "рассекатели". Вездесущие журналисты препирались со стражами порядка, пытаясь подойти ближе. В толпе зевак стояли два микроавтобуса с надписями "Чрезвычайное происшествие" и "Дорожный патруль". Роман подогнал

джип вплотную к линии оцепления.

Смолин вышел первым и, прищурившись, осмотрелся. Пожарные уже закончили поливать пеной почерневшие камни, над разрушенным собором поднимался белесый дым. Спасатели подогнали тяжелую технику и три разлапистых манипулятора примерялись к завалам. Неподалеку ждали сигнала кинологи. Павел увидел испачканного сажей капитана и обошел заграждение. Глеб с Леонидом поспешили следом.

– А, Павел Аркадьевич, здоровья желаю! Быстро вы, – заметил капитан Игорь Полишко, командир батальона полиции Центрального округа.

– Долго, – буркнул вместо приветствия Смолин и спросил: – Очевидцы есть? Жертв много?

– Свидетелей сколько хотите! Сегодня ведь церковный праздник какой-то, в храме яблоку было негде упасть, туристы опять-таки...

– А чему ты, голубь мой, радуешься? – перебил майор, хмуро глядя на улыбающегося Полишко.

– Так ведь нет жертв, господин майор, – посерьезнел капитан. – Во всяком случае, по предварительным данным.

– Как это нет?! – удивился Смолин, тут же простив Полишко неуместную улыбку. – Ты серьезно? Как такое может быть?

– Сам не пойму, Павел Аркадьевич! Чудеса просто, так и в бога недолго поверить! Я свидетелей пока по автобусам

распишал, сами с ними поговорите.

– Леня, опроси людей, – приказал майор. – Глеб, осмотришь, только аккуратненько. Не верю я в чудеса, как бы еще чего там не рвануло. Игорь, спасателей тормозни!

Кузьмин уже шагал к автобусам, Шаврин исчез в дыму, а Смолин достал из кармана телефон. Морщины на лбу майора потихоньку разглаживались.

* * *

Штаб-квартира "Сигмы" располагалась в подвале Департамента полиции. Несмотря на поздний час, во многих окнах горел свет. У парадного входа дежурили автоматчики, куда-то отправлялись патрульные экипажи, взрывая ночь вспышками маячков.

Смолин загасил окурок в переполненной пепельнице и вытряхнул из пачки новую сигарету. В углу заурчал кофейный автомат, Глеб поставил на стол три дымящихся стаканчика. Майор отхлебнул и сморщился.

– Сахара маловато. Рома, позвони завтра Абрамову. Раз они подарили нам это чудо техники, пускай не экономят на заправке... олигархи, в душу мать.

– Сделаем, Павел Аркадьевич. Они жаловались, что сервисного мастера в здание не пускают.

– И правильно делают! Что мне им теперь, пропуск именной выписывать? Пускай звонят в следующий раз, встретишь. Ты на стуле-то не елозь, знаю, что жена молодая ждет. Езжай уже, вряд ли мы до утра куда сорвемся, но...

– Знаю, Павел Аркадьевич! Быть готовым в любое время дня и ночи!

– Точно.

Счастливый Зотов скрылся за дверью, а Смолин оглядел сигмовцев.

– Так, давайте еще раз повторим, что у нас есть. Джорджик?

– Ответственность за взрыв взяли на себя "Красный талибан" и "Тигры ислама".

– Ну, с этими крикунами ясно. Помните, в прошлом году мост на Москва-реке рухнул? Они тоже сразу заявили о причастности, а оказалось – балки обветшали. Что-то еще?

– Осведомители ничего толком не знают... так, одни эмоции.

– Понятно. Лана?

– Агенты пока молчат. Я сделала выборку по ключевым словам на сотовую связь и пейджеры, серьезной информации не проскакивало, обычный треп. Может, до утра что появится. Федералы тоже топчутся, в переговорах задействовали двойную модуляцию, конспираторы, блин.

– Хорошо, распечатки всех мало-мальски подозрительных разговоров мне на стол, я потом сам посмотрю. Глеб, появились какие-нибудь соображения?

Гигант аккуратно поставил стаканчик с кофе на стол и развел большими руками.

– Не знаю, Павел Аркадьевич. В первый раз не знаю,

что и сказать. Понятно, никаких следов устройства. Камни не оплавлены, бризантное действие "коробочки" проявилось гораздо дальше, чем обычные три-четыре радиуса, да и характер взрыва странный. Будто кто снаружи ткнул пальцем в стену, отчего весь собор пошел трещинами и сложился. Обломки по размеру еще почти одинаковые, я с таким не стал-кивался. Утром снова поеду, посмотрю в раскопах, а то меня "охренители"* выдворили.

– Съезди, конечно, – согласился Смолин. – Нам любая зацепка поможет, разрешение у его превосходительства я возьму. Леня, что думаешь о свидетельских показаниях?

– Все очевидцы говорят одно и то же, поэтому верить им можно. Кто находился в храме, утверждают, что после начала службы внезапно испытали сильнейший приступ клаустрофобии, стены словно начали сжиматься, а потолок падать. Естественно, люди выбежали на улицу, причем батюшка со служками раньше всех. Осматривавшие собор туристы говорят, что взрыв произошел с правой стороны, здание рухнуло за несколько секунд, затем начался пожар, как я предполагаю – от замкнувшей проводки. Из показаний следует, что в храме никого не осталось, так что с большой вероятностью под завалами никто не погиб, люди получили лишь легкие ранения – ушибы и царапины. Двум женщинам стало плохо с сердцем, их забрала "скорая".

– Как всегда подробно, но ничего не понятно, – сказал майор. – Откуда у них возник этот приступ, причем, у всех

разом?

— Мало данных, — оправдался Кузьмин. — Наведенные галлюцинации и массовый гипноз я отбрасываю, известные нам специалисты не справятся с таким количеством людей, тем более за столь короткое время. Ни один газ не дает подобного эффекта. Еще этот странный характер повреждений, неизвестный тип взрывчатки... рискну предположить, что мы столкнулись с новой организацией, имеющей интересные наработки.

— Чертовщина какая-то, — пробормотал Смолин. — Взрыв есть, но жертв нет. Организация есть, но ни малейшего намека, кто они такие. Не с луны же эти террористы свалились! И что у них за логика такая: сперва людей выгоняют, а затем храм взрывают?

— Возможно, им кто-то помешал, — предположил Леонид.

— Тогда мы получаем уже две неизвестные организации, а нам и с одной пока не разобраться. Что же мне докладывать генералу?

* * *

Красильников руководил Департаментом полиции неполных пять лет. На генеральскую должность его перевели из Перми, где Валерий Борисович занимал должность полицеймейстера города в так называемой "Башне Смерти" — массивном здании на Комсомольской площади. Новый кабинет был в три раза больше предыдущего, но и работы в Санкт-Петербурге прибавилось. А какая ответственность! Все-таки

родной город президента.

С первым лицом государства Красильников познакомился сразу после вступления в должность, на банкете, посвященном Дню полиции. Если президент напоминал ловкого и хитрого мангуста, то новоиспеченный генерал больше походил на бурого медведя – мощная фигура, густые брови а-ля Брежнев, рокочущий бас и крепкое рукопожатие настоящего уральского мужика. Они сразу ладили, и Валерий Борисович старался оправдать оказанное доверие. Пока у него получалось: аналитики отмечали, что за четыре года преступность в городе снизилась на двадцать один процент, благодаря ФОС* и "Сигме" боевики часто выявлялись еще на стадии подготовки теракта, а криминальные группировки старались лишний раз не высовываться.

Красильников жажнул кулаком по столу – казалось, работа налажена, все под контролем, а тут такой прокол! Генерал еще раз просмотрел сводку о последствиях взрыва. Так, собор разрушен полностью, полукруглая колоннада пострадала частично, а памятники Кутузову и Барклаю-де-Толли на площади и вовсе остались целы. Хотя что-то... опять-таки, Смолин докладывал о минимуме жертв, здесь тоже огромный плюс. Если храм еще можно восстановить, то людей не вернешь. Валерий Борисович устало прикрыл глаза.

Из задумчивости его вывел звонкий голос адъютанта:
– Майор Смолин к вашему превосходительству!

Красильников недовольно зыркнул на излишне ретивого

лейтенанта и кивнул. Присылают на стажировку молодежь из Академии, а те и рады стараться.

– Здравия желаю!

Смолин по-военному четко прошел в кабинет и застыл у дальнего края длинного стола. Как всегда, гладко выбрит, отметил Красильников, а вот в глаза не смотрит, стервец, блюдет субординацию, значит – радовать нечем.

– Садись, Паш, не изображай статую скорбную. Вижу, твои орлы ничего не раскопали?

– Сведений пока маловато, Валерий Борисович. Шаврин божится, что никогда с таким не сталкивался, все свидетели толкуют о каком-то приступе клаустрофобии, а Кузьмин утверждает, что это дело рук новой организации.

– Ох, нам бы со старыми разобраться. Кофе будешь?

– С удовольствием.

Красильников любил готовить кофе сам, не доверяя сокровенный процесс даже ретивому адъютанту. Тому дозволялось лишь покупать в чайном дворике "Покровского пассажи" зерна особого сорта, которые генерал также собственноручно растирал в специальной ступке.

Смолин знал об увлечении начальника и полностью его одобрял. У многих есть хобби: кто-то собирает марки, пивные этикетки, монеты или дензнаки разных стран, кто-то имеет парк раритетных автомобилей, а некоторые коллекционируют яхты, но все это направлено на себя любимого. Тут же человек старается угодить другим и ждет от них разве что

одобрения своему мастерству. Поэтому, когда по кабинету поплыл аромат превосходной "арабики", Павел совершенно искренне выдохнул:

– Здорово пахнет...

– Ох, майор, не льсти, – сказал Красильников, усмехнувшись.

Он поправил на противне с песком джезvu – новомодные пресс-кофейники генерал не признавал, и вскоре на столе появились две небольшие чашечки. Да, это тебе не агрегат Абрамова, подумал Смолин, смакуя ароматный кофе. Красильников тоже сделал глоточек и, взглянув на майора, произнес:

– Да кури, кури. По глазам вижу, чего тебе для полного счастья недостает.

Смолин кивнул и достал сигарету, генерал нажал кнопку на "лентяйке" кондиционера. Табачный дым поплыл к дальней стене. Павел знал и о другой особенности Красильникова: обычно тот угощает кофе в благодарность за проделанную работу или же перед грандиозным разносом. В данном случае второй вариант куда более вероятен. Докурив сигарету, майор аккуратно затушил ее в пепельнице и внутренне собрался, приготовившись к худшему. С первыми словами генерала он понял, что не ошибся.

– Говоришь, сведений тебе мало? – начал генерал. – А когда тебе достаточно будет, когда эти отморозки еще пару храмов взорвут?! Новая организация! Да вы уже расслабились в

"Сигме" своей, жиром обросли, нюх сыщика потеряли! Привыкли, понимаешь, всякую шушеру ловить, а как кто-то серьезный объявился – лапки кверху? Сведений им мало! Я не для того, майор, особый отдел создавал и вам такие полномочия назначил, чтобы вы передо мной мялись как барышня. Ищите, где хотите, подключайте патрульных, прочешите всё, но выясните, кто стоит за этим взрывом! Мне полчаса назад президент звонил, его, знаешь ли, тоже интересует это. Сроку вам – неделя максимум, ясно?

– Так точно, ваше превосходительство! – гаркнул вскочивший Смолин, разве что не прищелкнув каблуками.

Красильников подошел ближе и, глядя ему прямо в глаза, произнес:

– Паша, а если они еще что-нибудь взорвут? В этот раз нам повезло, обошлось без жертв, а ну как в следующий раз по-другому обернется? Ты уж постарайся, ладно?

– Сделаем всё, что в наших силах, Валерий Борисович.

– И даже больше, – добавил генерал.

Против всех правил, Смолин закурил в лифте. В голове одна за другой пробегали версии, выстраивался план действий, но уверенность в успехе не приходила. Никакой зацепочки нет, а так редко бывает; придется перелопачивать гору информации, и кто гарантирует, что найдется хоть малейший намек, указывающий на взрывников? Впору молиться, а времени мало...

Лифт опустил в подвал, дверцы открылись. Смолин до-

шел до кабинета и остановился. Щелканье клавиатур позади стихло. Павел развернулся.

– Сроку нам неделя. Если не найдем террористов, отправят улицы патрулировать.

– Не успеем, – констатировал Кузьмин.

– А должны, Леня, должны! Меньше спите, больше работайте! Обещаю, если найдем взрывников, я вам такой отпуск обеспечу, что и олигархам не снился!

– Хорошо бы в Хургаде, – промурлыкала Лана. – У меня приятель там живет, два года по "ватсаппу" общаемся. Симпати-ишный!

– Будут вам и Хургады, и Мальдивы, и Африки с папуасами! Задача всем ясна? Теперь спать, на сегодня хватит, и так у всех глаза краснющие. Глеб, Зотову сообщи, чтобы тебя в семь забрал. Всё, на боковую, утро вечера мудреней.

* * *

Как часто народные приметы оказываются правы! Когда утром невыспавшийся Павел мрачно цедил растворимый кофе и с грустью вспоминал вчерашнюю "арабику", взгляд выхватил из длинного списка, оставленного Ланой, фамилию Чижев. С Олегом Смолин крепко дружил в школе, почему бы не начать проверку с бывшего одноклассника и нынешнего декана Академии художеств?

– Лега, привет, не разбудил?

– О, Пашка, здравствуй! Нет, я давно встал, в Академию еду, – ответил Чижев и спросил: – Что-то случилось?

– С чего ты взял?

– Ты не звонил с последней встречи выпускников, вот я и подумал...

– Казанский взорвали, – решил пойти ва-банк Смолин.

– Да, ужасная трагедия! Я как услышал по радио, сразу набрал Маришку, она в "Гостинку" собиралась заехать, а там ведь рядом совсем... Значит, тебя поставили распутывать это дело?

– Можно и так сказать.

– Ладно тебе, не секретничай, мы тогда здорово выпили и ты проболтался, где работаешь. Разведчик из тебя никудышный, Паш. Как поживаешь-то?

– Работы много. Ладно, Лега, я так позвонил, предчувствие какое-то было, но вижу с вами все в порядке. Звони, если что.

Смолин нажал отбой и закурил сигарету. Мимо! Впрочем, он особо и не рассчитывал на Чигова. Рутинная проверка, кто там дальше по списку?

Запиликал Моцарт, на дисплее высветился абонент: "Лега".

– Паша, я тут подумал, а ведь я могу кое-чем помочь! – скороговоркой выдал Чигов. – Ты слушаешь?

– Да-да.

– У меня есть, вернее, был, один студент, зовут Артем Любимов. Молодой человек прекрасно передает характеры людей, подмечает малейшие детали... так вот, вчера он защи-

тил дипломную работу, а построил композицию именно вокруг Казанского собора, причем рисовал с натуры и совсем недавно, как он сказал – в последние три дня.

– И? – подбодрил Смолин, чувствуя, как внезапно охрип голос.

– На картине есть один очень колоритный персонаж, думаю, тебе интересно будет взглянуть, он производит впечатление странной, но сильной личности, какой-то подозрительный... вдруг это поможет в твоём расследовании?

– Лицо видно?

– Лицо? Ах да! До малейшей черточки, я же говорил, Артем требователен к мелочам и...

– Олег, ты когда будешь в Академии?

– Ммм, минут через десять, если в пробке не застряну.

– Жди меня там, я скоро!

Смолин прервал вызов и позвонил в "Центурион".

– Рома, ты Шаврина отвез? Молодец, мигом на базу, я тебя жду!

Из комнаты вышла сонная Лана. Она жила на проспекте Просвещения, поэтому и осталась вчера ночевать на базе – метро уже закрылось. Увидев начальника, девушка пробормотала:

– Павел Аркадьевич, я будильник не слышала. Но сейчас сразу за работу!

– Можешь не торопиться, ты и так славно потрудилась, – разрешил Смолин, натягивая кожаную куртку. – Сходи в

душ, выпей чашечку кофе.

– Вы серьезно? Мы взрывников уже не ищем?

– Конечно ищем, и я прямо сейчас направляюсь за портретом возможного террориста.

Двери лифта закрылись. На столе забулькал и отключился чайник. Лана одиноко стояла посреди комнаты, осмысливая слова Смолина, и решила все же ограничиться одним кофе. Мало увидеть портрет террориста, его надо еще и поймать.

* * *

СНП – служба налоговой полиции.

ФОС – Федеральная охрannая служба. Сotpyдников обычно называют "федералами", "охранителями" или же, как Глеб, "охренителями" – из-за монополии службы на исследование дел по безопасности государства и высокомерного отношения к другим, менее значимым службам.

Глава 3

Санкт-Петербург. Университетская набережная. Академия художеств.

– Олег Арсеньевич!

– Павел Аркадьевич!

Давние приятели рассмеялись и пожали друг другу руки. Декан повел майора в кабинет, на ходу рассказывая:

– Ты знаешь, Паш, в строительстве и оформлении Казанского собора еще ученики и преподаватели нашей Академии

участвовали, проект колоннады, например, профессор Воронихин разрабатывал, кстати, тоже пермяк, как и Мариша. Я только услышал про взрыв, расстроился страшно, хорошо без погибших обошлось каким-то чудом – по радио передали.

– Точно, чудо, – сказал запыхавшийся Смолин. – Меня только поэтому из полиции не поперли.

– Да брось! Тебя, такого специалиста? Никогда не поверю. Кстати, как ты догадался мне позвонить? Интуиция сыщика?

– Ага, что-то в этом роде, – ответил майор, вопрошая себя, как бы отреагировал Чижов, узнав о тотальной прослушке телефонных разговоров.

– Вот и пришли, располагайся, – сказал Олег. – Чай, кофе? Вижу твое нетерпение, сейчас папочку достану. Где тут она? Ага, вот, "Дипломный проект студента пятого курса Любимова Артема. Человек пришел к Богу". Хорошее название, правда?

– Да. В последнее время верующих всё меньше.

Смолин взял папку и начал торопливо пролистывать. А этот Любимов действительно здорово рисует. Дома симпатичные такие, веет от них благородной стариной, пропитанной неким питерским духом – каждый культурный памятник просто! Персонажи смотрятся как живые, вот эта дамочка сразу видно – та еще штучка. Художника такого хорошо бы в Департамент заполучить – фотороботы преступников составлять, а то полицейский компьютер вечно лица так рису-

ет, будто весь род людской ненавидит. По его портрету разве что Ганнибала Лектора найдешь, да и то если он в своей знаменитой маске будет.

Смолин дошел до середины папки и остановился. Даже если бы Чижев предупредительно не указал на листок, майор и так бы понял, что за человек показался декану подозрительным. Кто же разгуливает по Питеру в таком наряде? Конечно, горожане одеваются по-всякому, вкусы тут абсолютно противоречивы, но не до такой же степени?! Этот тип словно сошел со страниц романов Дюма, кого-то он определенно Павлу напомнил... точно, Фокса! Но не бандита из советского блокбастера братьев Вайнеров, а средневекового террориста, задумавшего устроить фейерверк в английском Парламенте. Да, и голливудские фильмы иногда полезно смотреть, подумал Смолин, хотя ассоциации возникают прямо-таки настораживающие. По лицу видно, этот человек не то что Казанский собор взорвет, но и Кремль, если понадобится. Так на тротуаре уверенно стоит, что и бульдозером не сдвинешь.

– Колоритный персонаж, – заключил майор. – Но что если твой Любимов просто придумал его и добавил для красоты? Кто будет по Питеру в таком одеянии разгуливать?

– Вот! Я тоже так сначала думал, и даже спросил у Артема. Он заверил меня, что этот человек действительно прогуливался у Казанского. Да и главное условие дипломного проекта – рисовать с натуры, а Любимов мне бы лгать не стал.

– Ну, раз так... спасибо, Олега! Даже если этот тип не причастен к теракту, мне будет интересно с ним пообщаться. Можно я папочку на время возьму?

– Конечно, Паш, но потом все же верни – одна из лучших работ в этом году.

– О чем речь? Еще бутылочку "Нахимова" добавлю. А где, говоришь, студент твой живет, Любимов этот?

– Ох, Пашка, бросай ты эти сыскные штучки, ничего я еще не говорил! Живет он в общежитии на Большом, семнадцать, так что поезжай туда, может и застанешь. Серафиму Александровну спроси, коменданта, я ей позвоню. И Артема с пристрастием не допрашивай, парень хороший, ни в чем замешан не был.

– Не переживай. Разузнаю просто, вдруг припомнит что-нибудь про этого господина? Спасибо за помощь, Лега!

– Всегда пожалуйста. Ты заглядывай в гости, а то редко в последнее время видимся. Жена пирожков с яблоками напечет, как ты любишь.

– Ну, если с яблоками! Я позвоню, сам понимаешь – дела! Ботинки майора гулко простучали по мраморной лестнице, а Олег Арсеньевич укоризненно покачал головой. Когда-то они с Павлом были не-разлей-вода, но в десятом классе влюбились в одну и ту же девушку, и на тебе – красавица Марина предпочла спортсмену Смолину отличника Чижова. Павел ушел в армию, а Олег сыграл свадьбу, и с тех пор с Мариной они вместе. Та часто укоряет мужа, что не пригла-

шает старых друзей, а он до сих пор чувствует себя виноватым перед Пашкой, хоть и глупо это.

Дай бог, чтобы майор нашел своих террористов!

* * *

Санкт-Петербург. Лиговский проспект. Многоквартирный дом.

Тиканье отдавалось в голове ударами молота, забивавшего добрый гвоздь-сотку всё глубже и глубже в отупевший мозг. И чего Дима не купит электронные часы, как все нормальные люди – мелькнула единственная здравая мысль. Артем открыл глаза. Помахивая маятником-хвостом, на дальней стене висел улыбчивый заяц с циферблатом на пузе. Глаза трусливого животного ходили из стороны в сторону, высматривая крадущихся врагов. Ну, погоди, мне бы только встать, и ты умолкнешь навеки, пообещал Артем.

Рядом кто-то заворочался. Любимов вздрогнул и медленно повернулся. В бок уткнулось что-то мягкое и теплое. Артем аккуратно приподнял одеяло и убедился, что они с прекрасным созданием абсолютно голые – значит, пирушка удалась! Ещё бы вспомнить, как зовут прелестницу... стараясь не разбудить девушку, он осторожно выбрался из постели и натянул плавки – почему-то они оказались на телевизоре, а остальная одежда валялась в художественном беспорядке на полу. Заяц качнул хвостом в последний раз и затих. Удовлетворенный мстью Артем выскользнул за дверь.

– О, Темка встал! Доброе утро! А Венерка уже переживать начала, – сообщил Дима.

– Утро добрым не бывает, – озвучил Артем народную мудрость и сел рядом. – Всем привет.

– Здравствуй, солнышко, – откликнулась Димина подруга. – Сушнячок? Сейчас чайку зеленого налью. Наташа встает?

"Точно! Наташа!" – мысленно возликовал Артем и ответил:

– Похоже, что нет. Умаялась девушка.

– Ну, это нормально, – сказал Дима голосом Машкова и заржал, за что тут же получил полотенцем от Венеры.

– Все вы мужики одинаковые! Пойду будить, а то мы точно в институт опоздаем.

Оставшись с другом наедине, Артем первым делом выпил две таблетки "панангина" и поинтересовался, что было вчера. Картина вырисовывалась следующая: после телевизионных новостей Артем впал в какую-то прострацию, ушел в себя, не забывая, однако, поглощать пиво в ужасающих количествах. Появление Венеры с Натальей несколько его развеяло, а по приезду на Димину квартиру он так и вовсе разошелся – сыпал анекдотами похлеще Трахтенберга и пел караоке, затмевая Баскова.

– Я еще по Академии помню: если в компании симпатичная девчонка, так ты просто верх остроумия, – закончил рассказ Дима. – Откуда у тебя это берется? Наташке ты очень

понравился.

– Я заметил, – буркнул Артем. – Меня другое волнует. Понимаешь, я думаю, Казанский собор рухнул по моей вине.

– Да, пьянство до добра не доводит, правильно люди говорят! Ты еще вчера нам что-то подобное втирал, но скажи на милость, как ты мог его взорвать, если находился в это время в "Капкане", а?

– У меня изредка бывает такое состояние, увижу что-то особенное и начинаю быстро рисовать, даже не глядя на бумагу. Потом смотрю – пометка какая-то, штрих неосторожный, и это переносится в жизнь. В прошлый раз я нечаянно чиркнул по фюзеляжу истребителя, и самолет рухнул за городом, в этот раз мазнул карандашом по стене Казанского собора – он взорвался.

– Чепуха! – заявил Дима. – Как черточки на бумаге могут влиять на предметы? Это просто совпадение, вбил себе в голову невесть что!

– Не скажи. На площади перед храмом моей работой даже заинтересовался один тип, хотел купить... правда, странный он был какой-то.

– Ага, ты сейчас тоже странный, вот вы и нашли друг друга! Может, пивка? Пиво с утра не только вредно, но и полезно.

Артема передернуло.

– Пойду лучше умоюсь и бивни почищу.

Так совпало, что одновременно с Артемом ванна потре-

бовалась и вставшей Наташе. Они умывались до тех пор, пока в дверь не забарабанила Венера, требуя отдать подругу, на что Артем резонно заметил, что с похмелья у мужчин повышено либидо, и он с этим ничего поделать не может, а вот Наташа вполне даже может, чем сейчас и занимается. В итоге девушек отправили в институт на такси, хотя на первую "пару" они все равно опоздали.

Друзья вернулись на кухню, где Дима продолжил дегустировать пиво, аппетитно причмокивая и закатывая глаза. Артем уже почти сдался, когда в прихожей раздалась трель звонка.

– Кто там? – подойдя к двери, задал сакраментальный вопрос Дима.

– Департамент полиции, майор Смолин. Мне нужно поговорить с Артемом Любимовым.

Друзья в изумлении уставились друг на друга.

* * *

Смолин подождал минуту, пока в квартире справятся со вполне понятным замешательством, и вновь нажал на кнопку, показывая в глазок удостоверение. Щелкнул замок, дверь открылась.

– Входите, – сказал юноша с красными глазами и пивным амбре.

Майор прошел на кухню, ненароком заглянув по дороге в обе комнаты, и устроился на предложенном стуле. Да, молодые люди вчера что-то праздновали, видимо, защиту

дипломного проекта. Вид у обоих изможденный, впустивший его хозяин квартиры выглядит чуть веселее – ага, вот и знакомый нектар в кружке, – а второй чем-то обеспокоен, взгляд виноватый. Длинные волосы зачесаны назад, влажные, с утра душ принял, молодец. Сложен хорошо, темно-карие глаза с вкраплениями серебристых звездочек, щеки чуть впалые от студенческой жизни, нос с маленькой горбинкой и острым кончиком – примерно так Павел и представлял художника. Лицо броское, смуглое – такой типаж любят использовать в рекламе продвинутых одеколонов и молодежной одежды. От девчонок точно отбоя нет.

Майор решил прервать затянувшуюся паузу:

– Ну что, давайте знакомиться? Меня зовут Павел Аркадьевич. Вы, я так предполагаю, Дмитрий Нестеров, а вы – Артем Любимов.

– Сразу видно, из полиции, – хмыкнул Артем. – О чем вы хотели со мной поговорить?

– Быка за рога? – усмехнулся Смолин. – Что ж, не буду испытывать ваше терпение. Предупреждаю, это не допрос, а частная беседа. Вы вольны не отвечать, но, если мне покажется, что вы хотите что-либо утаить, разговаривать придется в другом месте.

– Хорошенькое начало! – заявил Нестеров. – Скажите хотя бы, в чем нас обвиняют?

– Вас, Дмитрий, ни в чем, кроме чрезмерного употребления пива, – сказал, улыбнувшись, Смолин. – Ну, а вашего

друга и подавно все характеризуют с лучшей стороны. Так что, поговорим?

– Спрашивайте, – разрешил Любимов.

– Вчера неизвестными взорван Казанский собор, – закинул удочку майор и по сузившимся зрачкам юноши понял, что попал в точку. – Вы что-нибудь знаете об этом?

– Только то, что по телику передавали, – твердо сказал Артем, но от Смолина не укрылась быстрота ответа.

– Недавно вы рисовали этот храм, буквально за три дня до трагедии, – напомнил он.

– А, понятно, откуда ноги растут. Вы общались с Чижовым?

– Да, это мой давний друг. Кроме того, я разговаривал с вахтером общежития, где вы проживали – у человека, замечу, отличная память, а также пообщался с комендантом Се-
рафимой Александровной – довольно таки скользкой особой.

– Студенты называют ее "жабой", – улыбнулся Артем.

Напряжение на кухне несколько спало.

– В общем-то, меня заинтересовали даже не вы, а изображенный на рисунке мужчина, – с этими словами Смолин достал папку и указал на человека в черном плаще.

– Его зовут Клод Вобер, – сказал Артем с видимым облегчением.

* * *

Любимов подробно рассказал о встрече на площади,

умолчав лишь про некоторые странности: неподвижную одежду мужчины и его размытый облик. В конце концов, это могло ему привидеться, ведь ветер дул такой, что из глаз выступали слезы, а ненормальным Артем показаться не хотел.

– Замечательно! – воскликнул майор. – Он искусно вызнал, где вы учитесь, назвал свое имя, значит, собирается встретиться с вами еще раз. У меня огромная просьба – если вы вновь увидите этого человека, немедленно сообщите мне. У вас есть сотовый телефон? Я так и думал, сам когда-то был бедным студентом. Вот, возьмите, специально захватил. «Симка» проплачена на месяц разговоров, зарядка в комплекте, мой номер забит в книжку, так что связаться со мной вы сможете без проблем. Берите, не смущайтесь, это не подарок, а служебная необходимость. Хотя, если вы поможете мне найти этого Вобера – разрешаю оставить телефон себе.

Артем крутил в руках серебристый смартфон и не знал, что сказать. Его элементарно подкупали, но что плохого, если он наведет полицию на Вобера? Смолин произвел на Артема приятное впечатление – говоря, смотрит в глаза, не сутится, спокоен и собран, сразу видно – профессионал. А вдруг Вобер действительно как-то причастен к теракту? Он же хотел выкупить у Артема рисунок со своим портретом и мог бы, наверное, просто отнять, если бы не люди вокруг!

– Что скажете? – спросил Смолин. – Подарите мне надежду!

– Хорошо, я позвоню вам, – согласился Любимов.

– Рад, что мы поняли друг друга. Больше ничего не хотите рассказать?

– Нет, – выдавил Артем после короткой паузы.

– Что ж, не буду вас задерживать. Всего доброго, господа студенты!

Нестеров проводил майора до двери, стараясь дышать в сторонку. Выйдя из лифта, Смолин позвонил на базу.

– Лана, сигнал есть? Хорошо, переведи на машину. И пришли патрульный экипаж в гражданском исполнении на Лиговский, сорок пять.

На улице майор осмотрелся и нырнул в огромный автомобиль, припаркованный на другой стороне дороги. Зотов приглушил радио.

– Ну как?

– Нормально, – сказал Смолин, включая монитор. – Что-то не договаривает, но телефон взял. Будем ловить на живца.

* * *

Не успели друзья отойти от неожиданного визита, как в прихожей вновь запиликал звонок.

– Наверное, передумал насчет мобильного, – хмыкнул Дима и поплелся открывать дверь.

На пороге стоял странно одетый мужчина, никак майора не напоминавший. Он поправил рукой прядь волос и на Нестерова обрушился синий водопад из глаз незнакомца. Дима вдруг почувствовал, как из головы улетучились все

мысли.

– По первому каналу показывают интересную передачу, вы очень хотите ее посмотреть, – сказал мужчина.

Дима кивнул. Вобер закрыл входную дверь, тем временем в комнате зазвучала известная мелодия и фраза "Мы начинаем КВН!". Я не ошибся, хмыкнул Клод и прошел на кухню. Артем уставился на него, как на привидение.

– Bonjour!* – поздоровался Вобер. – Вот мы и встретились вновь, господин Любимов. Я вас искал, чтобы сделать одно предложение.

– Что с Димой? – хрипло спросил Артем.

– Rien de rien*, он просто смотрит телевизор, чтобы не мешать нашему разговору. Как ваша дипломная работа?

– Защитился на "отлично".

– О, я нисколько не сомневался, рисуете вы очень хорошо. Именно поэтому я хочу предложить вам работу.

– Во-первых, меня уже ждет место в дизайнерской фирме, – заводясь, начал Артем. – Во-вторых, объясните, как вы меня нашли, и в-третьих, скажите на милость, кто вы такой?!

– Ваш интерес понятен, отвечу по порядку. Место дизайнера может подождать еще, плачу я хорошо. Найти вас не составило труда, я знал, где вы учитесь, а люди очень болтливы, когда видят деньги. Про себя скажу так, я – человек с некоторыми возможностями, который пытается изменить этот безумный мир в лучшую сторону.

– Как? Взрывая храмы?!

– Absurde*, – поморщился Вобер. – Хотя... отчасти вы правы. Тут есть и моя вина. Я знал, что взрыв состоится, но предотвратить его не сумел. Зато вывел людей!

– Откуда вы знали про теракт?

– У меня есть чутьё на определенные события, а ваш рисунок уверил меня, что я не ошибся. Вы – дуал, господин Любимов, а это редкий дар. Погодите задавать новые вопросы! Я вам всё объясню, но позже, времени осталось мало. Уверяю, я не террорист, просто не совсем обычный человек, верьте мне! Предлагаю вам съездить со мной дня на три в Париж. Вы были в Париже? Зря, это очень интересный город.

– Никуда я с вами не поеду, – буркнул Артем, нащупывая в кармане сотовый телефон.

– А если я скажу, что от вашего согласия зависят жизни многих людей?

Артем поднял голову. Вобер стоял, сложив руки на груди, и спокойно смотрел на него. Весь его облик излучал уверенность и доброжелательность, этому человеку хотелось верить. Да и не похож он ни на какого террориста, решил Артем.

– Вас разыскивает полиция, – неожиданно для самого себя произнес он.

– Ничего страшного, я давно научился не привлекать к себе внимание властей.

Несмотря на странную одежду Вобера, Любимов сразу по-

верил этим словам. Может, он сильный гипнотизер или экстрасенс? Тайна щекотала воображение. К тому же Париж, Франция... взору Артема предстала Эйфелева башня, Лувр, Елисейские поля...

– Так что вы скажете, Артем? Билеты уже куплены, вылет через час.

– Так быстро?! Послушайте, но у меня ведь нет ни загранпаспорта, ни визы.

– Это уже моя проблема.

– Гм, скажите хоть, в чем будет заключаться работа?

– Я хочу, чтобы вы нарисовали собор Парижской Богоматери.

* * *

Bonjour! фр. – Добрый день!

Rien de rien фр. – Ровным счетом ничего.

Absurde фр. – Нелепость, бессмыслица.

Глава 4

Санкт-Петербург. Лиговский проспект. Многоквартирный дом.

Смолин дожидался Беридзе, чтобы самому вернуться в Департамент, когда на мониторе замигала ярко-алая точка. Динамик предупредительно пискнул, на табло начали меняться цифры.

– Есть движение!

Зотов завел "Центурион", из-под капота донеслось приглушенное рычание мощного двигателя. Через несколько минут двери подъезда открылись. Сквозь затемненное стекло майор проводил взглядом Любимова с Нестеровым. Те сели в потрепанную "девятку", глушитель чихнул серым дымком, и автомобиль на удивление резво тронулся с места.

– Павел Аркадьевич, мне за ними? – спросил Роман.

– Не торопись, они нашего монстра сразу срисуют. Патруль уже на месте, проследит. Ребятки наверняка за пивом собрались, от Нестерова спиртным разит, хоть закусывай, а если за руль сел, значит, собрался недалеко. Я лучше квартиру пока осмотрю. Так, на всякий случай!

Интуиция Смолина подводила редко. Ему показалось странным, что Артем в длинном пальто и с сумкой, а Дима выскочил, как был – в футболке и спортивных штанах. Конечно, они на машине, но на улице всё же не месяц май. Передав по радиии указания патрульным, майор выбрался из "Форда".

В парадной он нажал истертую кнопку. Двери кабинки приоткрылись и судорожно схлопнулись, более лифт ни на что не реагировал. Чертыхнувшись, Смолин побежал по ступенькам. Второй, пятый, вот и шестой этаж. Переведя дыхание, майор позвонил – дверь, как и ожидалось, никто не открыл. Павел достал набор отмычек. Третья подошла, сухо щелкнул замок.

Одновременно с этим отворилась соседняя дверь. Оттуда

выглянула старушка и подслеповато уставилась на майора, успевшего спрятать отмычки за спину.

– Ты чего это, милочка? К Димочке пришел? Так они, небось, после вчерашнего отсыпаются, гуляли – страсть! Я полночи не спала, слушала охи-вздохи. Молодежь сейчас такая распущенная пошла, а вот в наше время...

– Да, да, вы совершенно правы, – прервал Павел воспоминания божьего одуванчика. – Я тогда позже зайду, всего доброго!

Он быстро спустился на этаж ниже – подальше от словоохотливой старости. Бабушка растерянно потопталась на лестничной площадке и, пробурчав что-то про не только распущенную, но и спешащую молодежь, вернулась в свою квартиру. Майор перевел дыхание. Бдительные старушки, конечно, хорошо, но не в нашем случае. Стараясь ступать бесшумно, он вновь поднялся к приоткрытой двери.

Войдя в прихожую, Смолин прислушался. Из комнаты доносился звук работающего телевизора и хихиканье. Пистолет сам прыгнул в ладонь. Майор заглянул на кухню и в комнату – никого. Хихиканье переросло в откровенный хохот. Затаив дыхание, Смолин тихонько толкнул дверь в зал. Рука с пистолетом дрогнула. Чувствуя себя полным идиотом, майор опустил в ближайшее кресло.

– А, Павел Аркадьевич! – воскликнул Дима Нестеров. – По первому прикольная передача идет, не желаете посмотреть?

* * *

Черный "Центурион" неся по Лиговскому проспекту, распуская клаксоном водителей. Оставив счастливо-го Нестерова за телевизором, Смолин кубарем скатился по лестнице, прыгнул в джип и сейчас пытался связаться с патрульными. Рация хрипела, пищала, но, наконец, сжалилась над сорвавшим голос майором.

– Экипаж двести пятнадцать, слышите меня?! Я седьмой. Где вы?

– Выежаем на Московский проспект, вашбродие. Следующим за объектом, как и приказано.

– Задержите их, слышите?! За рулем пьяный водитель!

– Вас понял, начинаю преследование.

В динамиках рации на мгновение прорезалась сирена. Зотов виртуозно обошел очередную помеху в виде "уазика" и спросил:

– Что в квартире, Павел Аркадьевич? Вы оттуда так выскочили, словно кучу трупов обнаружили.

– Смотри на дорогу, не то в трупы превратимся мы! Там живой и невредимый Нестеров телевизор смотрит и ржет, точно обкуранный.

– Я чего-то не понял, а Любимов с кем в "девятке" уехал?

– Рома, я тоже не понял, но не теряю надежды это понять.

Прибавь газу, что ты плетешься как ученик?!

– Так пробки какие, Павел Аркадьевич! Сейчас на Московский выедем, там посвободней будет.

Да, обставил меня Любимов, подумал майор. А ведь я чувствовал, что он что-то недоговаривает! Вот и верь после этого людям. Кто же с ним был? Похож на Нестерова как две капли воды. Близнец? Но в квартире я его не видел, разве только он прятался в туалете или ванной. Так, а может в комнате не Дмитрий? Отпадает, точно он, пивом за версту разит.

– Седьмой, ответь двести пятнадцатому! – ожила рация.

– Слушаю!

– Ваше благородие, я колесо пробил. Объект уходит по Московскому на юг. Как поняли?

Смолин коротко выругался. Если неприятность может случиться, то произойдет обязательно. Завывая сиреной, джип пролетел перекресток на красный и свернул на Московский проспект. Вскоре показалась стоящая на обочине "Волга" и двое патрульных, меняющих спущенную покрышку. Зотов занял среднюю полосу, майор взглянул на монитор. Красная точка понемногу приближалась.

* * *

Госпожа Фортуна сегодня явно отвернулась от полиции. Это Смолин понял, когда перед следующим перекрестком "Форд" прочно увяз в скоплении автомобилей. Судя по размерам пробки, авария произошла совсем недавно. Поперек дороги лежал перевернутый рефрижератор, из треснувшего кузова на асфальт лилось молоко. Посреди белого озера стоял поникший водитель. Куча зевак обсуждала аварию, несколько бабушек вылавливали целые пакеты. Сбоку при-

строилась стайка бродячих собак, лакая неожиданно разлившиеся счастье.

– Давай по тротуару, – приказал Смолин.

– Там люди, да и не протиснемся между столбами, – возразил Роман.

– Тогда назад.

– Поздно, вон за нами сколько машин встало.

– В душу мать!

Майор достал телефон.

– Игорь, это Смолин. Чем там орлы твои занимаются? Какой график?! Сударь, у вас на Московском молочные реки, кисельные берега! Авария, что же еще? Высылай патруль и тягач, да поскорее! Жду.

Павел набрал следующий номер.

– Сергей Викторович, Смолин беспокоит. Спасибо, хреново! У меня просьба: задержите "девятку" красного цвета, госномер четыре-семь-два. Сейчас движется по Московскому на юг. Я понимаю, но всё же.

Павел посмотрел на монитор. Точка алела уже в конце проспекта, патрули Южного батальона могут и не успеть, эх! Но куда же понесла Любимова нелегкая через полгорода? Смолин увеличил масштаб, экран пересекла сетка улиц. Через долгих десять минут маячок показал, что "девятка" свернула на Пулковское шоссе. Послышался вой сирен, майор выглянул в окно. Молодец Полишко прислал сразу три экипажа, сопровождающих компактный тягач. Патрульные

распределились по дороге, регулируя движение, двое начали опрашивать незадачливого водителя и замерять рулеткой расстояния. Смолин выскочил на улицу, рванув из кармана удостоверение.

– Лейтенант, мы преследуем подозреваемых, нам нужно срочно проехать.

– Но я должен составить схему ДТП, опросить свидетелей...

– Послушай, это жизнь, а не Академия! Если через пять минут не уберешь грузовик, то составлять схемы будешь уже на "гражданке". Поверь, я могу это устроить!

Лейтенант вскинул ладонь к фуражке и побежал исполнять приказание страшного майора. Смолин проследил, как тягач стащил грузовик к тротуару и вернулся в машину. Зеваки начали расходиться. Толстые шины "Центуриона" всколыхнули молочное озеро, Павел взглянул на монитор. Точка не двигалась. Так вот куда спешила "девятка"!

– Рома, гони в аэропорт! – рявкнул Смолин и вновь достал телефон. – Здравствуйте, это из Департамента полиции беспокоят, соедините меня с начальником охраны. Спасибо! Алло, Дмитрий? Привет! Да, я. Слушай, куда следуют ближайшие рейсы? Франция и Китай? Проверь, пожалуйста, заявлен ли на них пассажир Любимов Артем. Если есть, задержи его и кто с ним будет. Да, под мою ответственность. Хорошо, я подожду.

Зотов искусно лавировал между автомобилями, словно

управлял не большим джипом, а компактным смартмобилем. Когда показался поворот на Пулковское шоссе, ожил динамик телефона:

– Паша, такой пассажир есть, но он уже прошел регистрацию. Самолет взлетает, так что я ничего поделывать не могу.

– Черт! Ладно, я сейчас подъеду, посмотрю запись с камер наблюдения. Можно?

– Конечно, я тебя встречу.

Смолин закурил, Зотов нажал на кнопку стеклоподъемника и взглянул на командира.

– Упустили, Павел Аркадьевич?

– Вроде того.

Майор крутил в руках сотовый и думал про последнее средство. Этот Любимов не похож на преступника, что если он просто стал пешкой в чужой игре? Попробуем, вдруг удастся что-нибудь выяснить? Павел набрал хорошо знакомый номер.

– Артем? Здравствуйте, это майор Смолин. Я хотел еще кое о чем с вами поговорить, вы сейчас дома?

– Нет, в Пулково, улетаю на несколько дней в Париж.

– Вот как?

– Да, подвернулась "горящая путевка", хочу отпраздновать окончание учебы.

– Что ж, похвально. Вы один летите?

– Павел Аркадьевич, я перезвоню, а то стюардесса просит отключить телефоны.

– Конечно. Счастливо отдохнуть!

Джип остановился у здания АО "Пулковские авиалинии", на входе майора уже ждал Дмитрий Горин. Глядя на его улыбку, Павел вспомнил историю годичной давности. В Департамент тогда поступил звонок, неизвестный предупредил о бомбе в аэропорту. Сигмовцы сразу выехали на место и, что удивительно, нашли самодельное взрывное устройство – тревога оказалась самой настоящей, а не как обычно. Вычислили и горе-террориста, безработного инженера, от которого жена намерилась сбежать к любовнику в Германию. Уязвленный муж собрал и установил простейшую бомбу, чтобы отомстить благоверной, но вскоре одумался и позвонил в полицию. После этой истории начальник охраны всегда встречал Смолина с распростертыми объятиями.

Они прошли в кабинет Горина. Майор отказался от коньяка, но на кофе согласился не раздумывая – Дмитрий не жалел денег на покупку лучших сортов, что было и неудивительно при его высокой зарплате в авиакомпании.

– Так что там натворил этот Любимов? – спросил Горин, когда майор устроился в кожаном кресле с чашечкой кофе в одной руке и сигаретой в другой.

– Слышал про взрыв Казанского? Я думаю, он что-то знает про это, но скрывает от меня. Есть еще связанные с ним странности. К тому же неожиданный отлет в Париж – похоже на бегство.

– Ну, Паша, тебе по профессии положено всех подозре-

вать! Юноша собрался посетить красивейший город, заранее оформил визу и забронировал билет, что же тут неожиданного? К тому же я проверил – вернется он через три дня, тут и допросишь его с пристрастием.

– Умеешь ты успокоить! Давай записи смотреть.

Дмитрий развернул монитор и щелкнул мышкой. Пошла картинка с одной из камер. На экране открылся вид на пропускной пункт и регистрационную стойку. Люди предъявляли документы, багаж и проходили через рамку металлоискателя. Павел сразу выделил Артема. Тот вел себя совершенно спокойно, не суетился, даже о чем-то шутил с рядом стоящей девушкой. Никого напоминающего Нестерова не видно, обычные люди: интеллигентного вида старичок, бизнесмен с портфелем, семья с двумя детьми... что такое?!

– Дима, можно с начала и помедленней, – попросил майор.

Он вновь всмотрелся в Артема и девушку. Неужели почудилось? Вот Любимов забирает документы и проходит дальше по коридору. Вот девушка делает то же самое, пересекает рамку металлоискателя...

– Стоп! – крикнул Смолин. Дмитрий мгновенно нажал кнопку паузы.

Красивая девушка исчезла. Вместо неё с экрана на майора смотрел мужчина. Мужчина с рисунка.

* * *

Санкт-Петербург. Лиговский проспект – Пулковское

шоссе.

...В голове у Артема царил сумбур. События последних дней полностью выбили его из колеи, крутились перед глазами мозаикой калейдоскопа: Вобер, взрыв, полиция, Париж. Любимов даже не успевал всё хорошенько обдумать, как обстоятельства вновь вовлекали его в жизненный круговорот. "И почему я так быстро согласился на путешествие?" – спросил себя Артем. Ведь даже родителям не позвонил, а обещал после учебы к ним в Ростов съездить. Может, Клод и его загипнотизировал, как сделал это с Димой? Любимов покоился на Вобера.

– Я не могу на вас воздействовать кроме как через общение, – сказал Клод.

– Вы что, мысли читаете?

– Артем, ваш вопрос написан на лице двадцатым шрифтом, – усмехнулся Вобер. – Тем более с моим опытом нетрудно догадаться, о чем вы думаете.

– Впредь буду следить за мимикой.

– Repartie!* Как вам мой красавец?

В этот момент они вышли из подъезда, и Артем даже присвистнул. На тротуаре притаился темно-зеленый "Астон Мартин". Благородные линии роскошного купе приковывали взгляд, удивительным образом совмещая в себе мощь и элегантность.

– Наверное, кучу денег стоит? – спросил Артем.

– Смотри в каких купюрах, – улыбнулся Клод.

"Астон" дружелюбно подмигнул указателями поворотов. Артем аккуратно открыл дверцу и сел в кожаное кресло. Тут же зажужжали сервоприводы, подгоняя спинку и сиденье под фигуру пассажира. Вобер нажал кнопку, под капотом басовито заурчал шестилитровый двигатель. Пристегнувшись, Артем с восхищением разглядывал роскошный салон, наверняка сделанный по индивидуальному заказу. Его внимание привлекла фигурка воина с копьем и зеркальным щитом, источающая легкий аромат жасмина.

– Красивый освежитель! – заметил Артем.

Вобер хмыкнул и плавно тронул "Астон" с места.

– Этот освежитель исключает угон и маскирует автомобиль от любопытных глаз.

– Здорово! – восхитился Артем. – Сигнализация и анти-радар в одном флаконе. Я таких еще не видел.

– Вам еще многое предстоит увидеть...

"Астон" свернул с Лиговского проспекта на Московский. Артем только хотел задать Воберу пару вопросов, как сзади завывла сирена. Любимов обернулся. Их настигала черная "Волга" с каплевидным маячком на крыше.

– Это за нами! Я же предупреждал!

Клод бросил взгляд в зеркало заднего вида и прибавил газу. Патруль начал отставать, но на перекрестке вновь догнал купе. Вобер нажал клавишу на приборной панели, серый асфальт расцвели блестящие звездочки. "Волга" вильнула и

вскоре свернула к обочине. Сирена смолкла.

– Что это с ними? – спросил Артем, повернувшись к Воберу.

– Думаю, колесо прокололи, – ответил тот и пожал плечами. – Столько дряни на дороге валяется...

Два перекрестка они прошли четко на "зеленый", а третий проскочили на "желтый". Следом сунулся девятьсот одиннадцатый "Порше" и с ревом обогнал "Астон" по встречной полосе, где в этот момент двигался грузовик. Водитель резко нажал на тормоза, рефрижератор заболтало, кузов занесло, а спорткар вильнул вправо и ушел от столкновения. Грузовик перевернулся, железо заскрежетало по асфальту. Обернувшись, Артем заметил, как из кабины выбрался человек.

– Гонщик хренов! – не сдержался Любимов. – Ну, хоть водитель цел.

Клод молча смотрел на дорогу, в работе двигателя прорезались рычащие нотки. Впереди показался виновник аварии. После рискованного маневра "Порше" даже не притормозил, а наоборот, увеличил скорость. Вобер вытянул вперед правую руку, пальцы зашевелились, будто что-то ткали из воздуха, и резко выпрямились. Артем ясно увидел ярко-красную нить, вылетевшую из ладони Клода. Её кончик коснулся "Порше".

Завизжали тормоза, покрышки спорткара оставили на дороге жирные линии. Гонщик в последний момент вывернул руль, "Порше" пошел юзом и врезался в бетонное огражде-

ние. Артем выдохнул. Соседние автомобили спокойно продолжали свой путь, словно ничего и не произошло, несколько остановились у разбитой машины. Отпихивая подушки безопасности, из нее выбрался молодой парень. Артем повернулся к Воберу.

– Что это было?

– Водитель превысил скорость и не справился с управлением.

– Клод!

– Артем, иллюзию можно соткать как для множества людей, так и для одного человека. В данном случае этот спешащий юноша увидел на дороге открытый люк и попытался его объехать. Со временем я объясню всё подробнее.

– Я хочу сейчас!

– Dixi.*

– Опять ваши словечки! Ну хорошо, один вопрос. Вы говорили, что я дуал, а что мне это дает? Я смогу делать нечто подобное?

– Qui vivra verra.*

Артем фыркнул и отвернулся. Вобер мельком глянул на него, спрятав улыбку. Заиграло радио: "Мы молчали, молчали так долго, мимо нас текла река. Мы стояли и слушали звуки, звуки шли издалека...".

"Астон" свернул на дорогу в аэропорт.

* * *

Repartie! фр. – Удачный ответ!

Dixi лат. – Я сказал.

Qui vivra verra фр. – Поживем – увидим; будущее покажет.

Глава 5

Санкт-Петербург. Невский проспект. Департамент полиции.

Вооружившись "бритвой Оккама"* и сигаретой, Смолин пытался разобраться в последних событиях. Первое: странно одетый господин Вобер разглядывает Казанский собор за три дня до взрыва. Его причастность к трагедии неочевидна, но возможна. Мужчина замечает, что его рисует художник и хочет выкупить портрет, но при отказе не пытается завладеть силой. Значит, чурается насильственных действий или ему мешает скопление людей на площади. Он находит Артема и повторяет предложение, но у того рисунка уже нет. Они вместе едут в аэропорт и улетают в Париж.

Инициатива здесь явно исходила от Вобера – ну не верил Павел, что у вчерашнего студента появились деньги на такое путешествие. Остается загранпаспорт и виза, но тут Любимов мог проявить похвальную предусмотрительность.

Второе: портрет. Если господин боялся быть узнанным, он бы так не одевался, значит, ему просто понравился рисунок и мастерство художника. Зачем он везет юношу в Париж? Возможно, нарисовать портрет знакомого, живущего во Франции, или же изобразить какой-нибудь милый сердцу

пейзаж. Когда у людей куча денег, они и не такое откалывают. Из всего этого можно сделать вывод: ни мужчина, ни Артем к взрыву не имеют никакого отношения, и зря Смолин гнался за ними до самого аэропорта.

Но существует и вопрос номер три: что, черт подери, происходит с этим Вобером?! Когда Павел осмотрел стоянку аэропорта, то не увидел вообще ни одного отечественного авто. "Мерины", "бумеры" и даже дорогуший "Астон Мартин" – пожалуйста, но старенькая "девятка" с госномером четыре-семь-два словно испарилась. По дороге в аэропорт они ее тоже не встречали. Плюс фокусы с одеждой. Вместе с Гориным майор раз двадцать прогнал краткий момент превращения девушки в мужчину и обратно, но так и не понял: то ли это сбой аппаратуры, то ли у мужчины фамилия Копперфилд. И ведь второе более вероятно, потому что Павел ясно видел выходящего на улицу Нестерова, когда на самом деле тот в это время хихикал перед телевизором.

Зачем Воберу эти переодевания? Маскируешься, прячешься, значит, в чем-то виновен, тут Смолин не допускал двойных толкований. Может, выпросить у Красильникова командировку в Париж? А чем ее мотивировать? Забавным роликом из аэропорта и дипломным проектом "Человек пришел к богу"? Генерал тут же запишет его в ближайший патруль, чтобы не издевался над начальством. Нет, надо копать здесь, но и связаться с французскими коллегами – пусть отслежат перемещения странной парочки.

– Приехали, – констатировал Зотов.

Обуреваемый противоречивыми мыслями, Смолин спустился на минус первый этаж. Здесь шла бурная дискуссия с привлечением книг, атласов и страниц интернета. Леонид потрясал фолиантом "Крупнейшие храмы мира", Беридзе ему поддакивал, Лана тыкала наманикюренным пальчиком в экран монитора, где двигалась карта Франции, а измазанный сажей Шаврин молча пил в сторонке кофе.

– Что происходит? – спросил майор и тут же добавил: – Первым жалуется Леонид.

– Павел Аркадьевич, я знаю, где будут следующие взрывы!

* * *

Санкт-Петербург. Невский проспект. Площадь перед Казанским собором.

...Утром Кузьмин выехал на место трагедии. Туда же должен был подтянуться Беридзе, вместе они быстро опросят жителей близлежащих домов. Чтобы взорвать собор, требуется чертова уйма взрывчатки, а её нужно на чём-то привезти и как-то установить. Неужели никто ничего не видел?

Оставив мотоцикл у ограждения, Леонид пошел к руинам. Спасатели работали всю ночь, и сейчас техника растаскивала завалы, а грузовики забирали обломки. Действительно, фрагменты почти все одинаковые, отметил Кузьмин, снимая шлем. Из раскопа ему помахал Шаврин. Леонид кивнул и спросил:

– Как дела?

– А никак, – сморщился Глеб. – Всё пытаюсь выяснить характер взрыва, но пока чепуха какая-то получается...

– Джорджа видел?

– Вон к тем домам пошел.

Леонид направился в указанную сторону и заметил вчерашнего батюшку. Отец Алексей с болью в глазах наблюдал за работой спасателей, теребя в руках пожелтевший крест. Накануне Кузьмин пытался поговорить с ним, но тот всё твердил о кознях дьявола, и вразумительной беседы не получилось. Возможно, сегодня будет по-другому?

– Доброе утро!

– А, это вы... здравствуйте.

– Сочувствую вашему горю, батюшка. Мы ищем взрывников, но для этого нам нужна ваша помощь. Не припомните чего-нибудь подозрительного за последнее время? Может, машины разгружались, люди работы вели возле храма?

– Невосполнимая утрата, – невпопад ответил Алексей. – Для всего русского народа, для веры нашей. Этот крест – всё, что осталось, понимаете?

– Конечно.

– Обязательно найдите этих нехристей!

– Обещаю, но как насчет помощи?

– К нам приходит... приходило много верующих. Я не могу сразу определить, у кого зло на сердце.

– Подумайте, может люди какие с улицы заходили, со-

бором интересовались?

– Туристов мы пускаем беспрепятственно, – ответил Алексей и, помолчав, добавил: – Комиссия по защите памятников еще навещала.

– Какая комиссия?

– Так у них в удостоверениях было написано. Двое мужчин попросили разрешения произвести замеры для оценки сохранности здания. Я позволил.

– Как они выглядели? И что делали в соборе? Расскажите поподробнее.

– Выглядели обычно, среднего роста, оба в очках круглых темных, комбинезоны такие синие с надписью "ЮНЕСКО". Аппаратура у них на треногах. Один мерил, а второй записывал. Минут десять ходили по храму, а я и не препятствовал, служба только через час должна была начаться, да и дело богоугодное. Потом у них что-то сошлось, они заторопились и на выход. Я спрашиваю, что намерили, а они отвечают – собор крепкий, еще сто лет простоит, во как! Второй на радостях даже блокнот обронил, я поднял и за ними, а их и след уже простыл.

– А где сейчас этот блокнот? – спросил Леонид, чувствуя, как вспотели ладони.

– Так я его в шкаф положил, думал, вернутся они за ним, ан нет. Да и понятно, мужчина тот каждый листок исписанный обрывал и в папочку складывал.

– Спасибо, батюшка, – сказал Леонид и побежал к спаса-

телям.

Задняя часть храма пострадала от пожара меньше всего. Огромный манипулятор за час расчистил от крупных обломков находящуюся за алтарем комнату. Глеб плюнул на свои бесплодные попытки что-либо понять в странном взрыве и вызвался помогать Кузьмину. Отец Алексей координировал действия полицейских. Вскоре они извлекли из-под завалов пять икон, чем несказанно порадовали батюшку, а в деревянном месиве, когда-то бывшем шкафом, обнаружили тонкий блокнот в клетку. Вместе с Глебом Кузьмин вернулся на базу.

В лаборатории он осторожно посыпал бумагу железным порошком и переместил его с помощью магнитной кисти. После удаления излишков взгляду Леонида предстал схематичный рисунок. Вершины пятиугольника были помечены буквами: КС-Р, НД-Ф, К-СА, ХГГ-И, ХХС-Р. Под каждой стояли цифры от одного до пяти. Лана живо заинтересовалась находкой и тут же заявила, что КС – это Казанский собор, а дальше мнения сигмовцев разошлись. За этим спором их и застал Смолин.

* * *

Санкт-Петербург. Невский проспект. Департамент полиции.

– Павел Аркадьевич, я знаю, где будут следующие взрывы! – заявил Кузьмин.

– Лучше бы ты сказал, что их не будет, – вздохнул майор. – Излагай...

Кузьмин вкратце рассказал о своей находке и перешел к рисунку.

– Буквы КС-Р обозначают Казанский собор, понятно, в России. НД-Ф – Нотр-Дам де Пари во Франции...

– Возражаю! – подала голос Лана. – Во Франции храмы через один носят название Нотр-Дам и как-нибудь там. Нотр-Дам де ля Гард в Марселе, просто Нотр-Дамы в Дижоне и Шартре.

– Собор Парижской Богоматери – это сердце столицы, – парировал Леонид. – Если террористы будут выбирать, какой из французских храмов взорвать, то остановятся именно на нём!

– Логично, – согласился Смолин, почему-то вспомнив Любимова. – А остальные буквы?

– Единичная "К" – несомненно, святыня мусульман Кааба в Мекке, Саудовская Аравия, – бросив торжествующий взгляд на девушку, продолжил Кузьмин. – Дальше совсем просто: храм Гроба Господня в Иерусалиме, Израиль, и храм Христа Спасителя в Москве.

– Начинают с России и ей же заканчивают, – задумчиво проговорил майор. – А почему вы решили, что взрывы вообще состоятся?

– Под буквами стоят цифры, – перехватила инициативу девушка. – Они показывают очередность терактов.

– А вдруг эти люди просто отмечали следующие объекты для инспекции? Все-таки надписи "ЮНЕСКО"...

– Павел Аркадьевич, я тоже хотел бы так думать, – признался Леонид. – Но характер их действий и аппаратура позволяют мне заключить, что комиссия – липовая. Не знаю, что они измеряли в соборе, но точно не сохранность здания. Кроме того, та же Кааба не включена в список всемирного наследия.

– Получается, мы имеем международную террористическую организацию, о которой ничегошеньки не знаем, и места следующих взрывов без дат, – заключил Смолин.

– Думаю, теракты спланированы во времени, – сказала Лана. – Если начнут рушиться святыни по всему миру, представляете, какая волна негодования поднимется?

– И наша задача поскорее вычислить и нейтрализовать взрывников, – продолжил майор. – Кстати, у меня есть любопытная запись, не хотите посмотреть?

Настал черед Смолина рассказывать о Любимове, Нестерове и погоне за призрачной "девяткой". Сигмовцы сгрудились перед монитором, где Вобер уже в который раз демонстрировал чудеса превращения. Первой высказалась Лана:

– Возможно, какая-то техника проецирует изображение вокруг него. Это доказывает и ее сбой, когда мужчина проходил через поле детектора.

– Ланочка, ты представляешь, каких размеров должна быть аппаратура, выполняющая такие задачи? – возразил

Кузьмин. — Товарищ должен везти за собой целую тележку, а у него только легкая сумка.

— А если он гениальный ученый? — не сдавалась девушка.

— Тогда чего же твой гений не продумал опасность подобных сбоев? Из чего сделана его аппаратура, раз металлоискатель её не обнаружил?

— И какой из этого вывод? — спросил Смолин.

— Боюсь показаться смешным, но этот Вобер каким-то образом сам проецирует нужное изображение и на сетчатки глаз, и в объектив камеры, — сказал Леонид. — Если отбросить всё невозможное, то это единственное объяснение.

— Всё не-воз-можное, — передразнила Лана. — Это объяснение твоё невозможно!

— Так, стоп! — оборвал майор. — Если принять версию Лёни, то этого человека нельзя поймать по приметам, но ведь сейчас рядом с ним Любимов. Я, конечно, не представляю, как этот господин делает свои проекции, но вряд ли он способен укрывать ими еще и спутников. Передадим информацию коллегам из французской жандармерии и посмотрим, что из этого получится. Если даже Вобер не замешан в теракте, то явно что-то знает о настоящих взрывниках — не зря же он направился в Париж! Джорджик, я понимаю, Глеб молчит, он больше по саперному делу, но ты-то что думаешь?

— Интересно мне в "Сигме" работать, Павел Аркадьевич. "Секретные материалы" отдыхают!

* * *

Аэробус А-320 прибыл в столицу Франции поздно вечером. Весь полет Артем пытался вывести у Вобера интересующую его информацию, но тот со стойкостью спартамца пресекал эти неуклюжие попытки и в свою очередь рассказывал про достопримечательности Парижа, где, оказывается, жил долгое время. Постепенно они перешли на "ты".

– Артем, пойми, ты еще не готов правильно всё воспринять. Слова должны получать подтверждение в жизни, только тогда им можно верить. Кстати, ты любишь мёд? Представляешь, в самом центре Парижа, в Люксембургском саду, находится пчелиная пасека, а появилась она еще в 1856 году! Мёд там просто изумительный, мы обязательно посетим оранжерею сада и купим по баночке. Но сначала я приглашаю тебя отведать "le pied de cochon" – свиную ножку в панировке. На бульваре Сен-Жермен есть отличный ресторан, и работает он круглосуточно.

– А фуа-гра там подают? – с видом знатока поинтересовался Артем.

– Конечно! Кстати, для приготовления этого блюда гусей откармливают так, что их печень весит почти килограмм. Ужас, правда?

Шасси мягко коснулись посадочной полосы. По радио зазвучали обычные напутствия экипажа на русском, английском и французском языках. Пассажиры отстегнули ремни,

Артем подхватил сумку, где лежал мольберт и смена белья. Вобер пошел впереди, но на выходе замешкался. Любимов посмотрел через его плечо. У трапа сучали карабинеры.

– Aux armes, citoyens*, – пробормотал Клод и, коснувшись шарика на шнурке, повернулся к Артему. – Идем, как ни в чём не бывало, для них теперь мы выглядим по-другому.

Они вышли на трап. Артем старался шагать ровно, но внутри дрожала каждая жилочка. Страх ареста сковал тело ледяными цепями, ноги одеревенели. На предпоследней ступеньке Любимов споткнулся. Сумка полетела в одну сторону, Артем в другую. К нему тут же бросился карабинер и подхватил за руку.

– Ви нэ ушиблись, мадемуазель? – на ломаном русском спросил он.

– Нет, – пропищал Артем и, подняв сумку, добавил: – Спасибо.

Мужчина заулыбался, всем видом показывая, что готов поймать мадемуазель еще раз. Товарищ хлопнул его по плечу, и участливый карабинер посерьезнел, не забыв на прощание подмигнуть симпатичной туристочке из России.

Они прошли в аэропорт через зеленый коридор для пассажиров, не имеющих багажа. Уже оправившись от испуга, Артем крутил головой, впитывая новую для него атмосферу. Вокруг раздавались звуки чужой речи, люди одевались по-другому и выглядели по-другому. Как французы, решил Артем и спросил у Вобера:

– За кого меня принял тот полицейский?

– За красивенькую русскую девушку, одетую в китайский ширпотреб.

– Ладно, хоть красивенькую, – буркнул Артем.

Вобер повернул направо. Стеклопакеты дверей разъехались в стороны, пропуская людей в недра многоярусной стоянки. Спустившись на этаж, Клод направился к автомобилю ярко-красного цвета, в остальном как две капли воды похожего на недавнее купе.

– Любишь стабильность? – спросил Артем, проведя рукой по крылу "Астон Мартина".

– Да, не изменяю вкусам, – ответил Клод. – Тем более, охранный контур заново не надо настраивать.

– Конечно, я понимаю, – с важным видом поддакнул Артем.

В тишине паркинга скрежет металла по бетону прозвучал иерихонской трубой. Из темноты соседнего бокса медленно вышли двое невысоких мужчин. Глаза обоих защищали круглые дымчатые очки, а в сочетании с кожаными куртками, черными джинсами и ботинками на толстой подошве они делали незнакомцев похожими на фанатов группы "Депеш Мод", причем, довольно таки агрессивных фанатов. Один крутил в руке нож-бабочку, другой держал оливково-зеленый пистолет.

– А вот и месье Вобер, – произнес мужчина с ножом. – Мы уже жаждали, когда же вы почтите нас своим присутствием.

Правда, Жак?

– Точно, Рене.

– Arrête de faire le pitre*, – процедил Клод и бросил Артему: – Живо в машину!

Двух раз повторять не пришлось. Изгнанный вроде бы страх ударил в мозг паникой, Артем юркнул внутрь "Астона" быстрее, чем мышь в спасительную норку. Бандиты никак не отреагировали на его бегство. Один вразвалочку шел к Воберу, второй продолжал целиться из пистолета. Артем быстро осмотрел салон – ничего похожего на оружие. Под прикрытием тонированных стекол он пересел на водительское сиденье и нажал кнопку пуска. Заурчал двигатель. В этом момент Клод начал действовать.

Неуловимо быстро переместившись в сторону, он оказался закрыт от стрелка фигурой Рене. Тот взмахнул ножом, но Вобер ждал это. Слившись с рукой атакующего, он продолжил движение, раскрутив Рене так, что тот волчком влетел в объятия товарища – грохнул выстрел. Клод исчез за машиной. Артем смотрел на лежащего бандита, который зажимал рукой развороченный живот и жутко скалился. Равнодушно взглянув на раненого товарища, названный Жаком пошел к "Астону". Любимов вжался в кресло, пальцы стиснули дверную ручку. Бандит вплотную подошел к машине. Дуло пистолета, казалось, смотрит прямо в лицо Артему. Он зажмурился и изо всех сил толкнул дверцу.

По крыше что-то прогрохотало. Прыгнув в машину, Клод

буквально выжал Артема на соседнее сиденье. Взревел двигатель, автомобиль с пробуксовкой рванулся прочь из западни. Артем взглянул назад. Стрелок сидел на бетонном полу, щупая окровавленное лицо, второй бандит медленно поднимался. О его ранении в живот напоминала только дырявая куртка. Вот тут Артема прорвало:

– Что это такое?! Ответь! Кто эти люди?! Ты обещал мне работу, а сам подставляешь под пули! Останови немедленно, слышишь?! Я возвращаюсь домой!

"Астон" миновал шлагбаум на выезде с коварной стоянки, впереди лежала автострада, залитая светом фонарей. На лице Вобера блеснули капельки пота, он повернулся к Артему.

– Я должен был предвидеть нападение, прости меня. Постараюсь больше не подвергать твою жизнь опасности. Хочу добавить, что в сложной ситуации ты действовал рискованно, но грамотно. Как настоящий дуал!

– Ты ответишь на мои вопросы, – с нажимом произнес Артем.

– Это справедливо.

– И ответишь немедленно!

– Глупо стоять посреди освещенной улицы и ждать пули в спину. Ты не против, если сначала мы приедем домой?

Набирая скорость, автомобиль помчался по автострате. Через несколько минут из-под арки выбежали двое бандитов – немного потрепанные, но без заметных ранений. Один до-

стал телефон.

– Господин, мы потеряли его. Да. Он притащил с собой какого-то мальчишку... да, я знаю адрес! Обещаю, они не доживут до рассвета. Повинуюсь!

Мужчины сели на мотоциклы и выехали на автостраду. Их цель находилась на другом конце города.

* * *

Бритва Оккама – согласно этому принципу, понятия, несводимые к интуитивному и опытному знанию, должны удаляться из науки. Короче, если отбросить все невозможные версии, тогда то, что останется, и есть истина, какой бы невероятной она не казалась.

Aux armes, citoyens фр. – К оружию, граждане.

Arrête de faire le pitre фр. – Перестань паясничать.

Глава 6

Санкт-Петербург. Невский проспект. Департамент полиции.

Генерал Красильников сидел во главе длинного стола. Кроме начальников отделов, утреннюю планерку посетил незванный гость – координатор ФОС Максим Ломов. Толстый, с крупным носом и большими ушами, он напоминал мультяшного Шрека, но взгляд маленьких злых глаз сразу предупреждал окружающих, что подобные сравнения лучше не озвучивать. На его визите настоял директор ФОС гене-

рал-майор Лебедев, разбудивший Красильникова телефонным звонком. Валерий Борисович спросонья согласился, а теперь то и дело бросал на Ломова неодобрительные взгляды. Присутствие постороннего человека нарушало давно отработанный ход планерки, полицейские косились на координатора и старались быстрее донести до начальства состояние дел в подразделениях, а Красильников утешал себя тем, что раз федералы прислали своего человека, значит, зашли в полный тупик. Теперь только от Смолина зависит, получится ли утереть нос охранителям.

– Павел Аркадьевич, доклад готов? – спросил генерал.

– Так точно! В ходе оперативно-розыскных мероприятий мы выяснили, что за три дня до взрыва собор посетили два лица, выдававших себя за членов комиссии по охране исторических памятников.

– Как они выглядели? – немедленно влез Ломов.

Смолин посмотрел на Красильникова, тот кивнул. Павел выдержал паузу и продолжил:

– Мужчины среднего роста в очках, одеты в синие спецовки с надписью ЮНЕСКО.

Майор постепенно рассказал о блокноте, Артеме, Вобере и сделанных выводах. Шрека явно распирало от вопросов, но он сдерживался, чтобы не затягивать доклад. Остальные присутствующие слушали Смолина чуть ли не с раскрытыми ртами.

– Вчера я передал информацию французской жандарме-

рии. Позже они сообщили, что пассажиров с такими приметами на рейсе из Санкт-Петербурга не оказалось.

– Как это? – не выдержал Ломов. – Они что, по пути сошли?

Некоторые полицейские заулыбались, Красильников нахмурился.

– Для невнимательных слушателей повторяю: Клод Вобер обладает особыми, как выразился наш аналитик – паранормальными способностями. Он как-то воздействовал на карабинеров и те увидели вместо него другого человека, – сказал Павел. – Эту версию доказывает и запись с камеры наблюдения в аэропорту Пулково.

– Чепуха! Вы сделали неверные выводы, – заявил федерал и, повернувшись к генералу, сказал: – Ваше превосходительство, нам необходимы материалы, собранные вашими сотрудниками. Мы сами их проанализируем. Замечу, тут затронута национальная безопасность. Если под угрозой находится храм Спасителя, то это в компетенции нашей службы, ваши полномочия на Москву не распространяются.

– Я предоставлю вам материалы после официального запроса, – твердо сказал Красильников. – Все свободны, майора Смолина попрошу остаться.

Ломов порывался сказать что-то ещё, но, наткнувшись на холодный взгляд генерала, вышел молча. Начальники отделов потянулись к выходу, на многих лицах читался немой вопрос: "Неужели вся эта невероятная история – правда?".

Когда закрылась дверь за последним, Красильников встал из кресла.

– Сиди, Паша, сиди. Я когда хожу, думаю лучше. Скажи начистоту, ты сам веришь в то, что тут нарасказывал?

– Это единственно возможный вывод из доступной нам информации.

– Что ты заладил: возможный, невозможный? Твой доклад фантастика какая-то, сразу трудно и поверить. Вот Вобер этот... человек, конечно, интересный, но вдруг он действительно покинул самолет или даже в него не садился? Может, всё проще, чем ты думаешь. Я что-то не слышал про людей с такими способностями.

– Валерий Борисович, я и сам вначале сомневался, но известные нам факты по-другому объяснить нельзя. Тем более, французы мне звонили еще раз, сообщили о стрельбе на стоянке аэропорта. Думаю, это как-то связано с Вобером, в совпадения я не верю.

– Хорошо, работай. Как ты понимаешь, я вынужден предоставить ФОС все материалы, так что подготовь их, снимми копии. Пусть разбираются с остальными храмами, а мы должны найти наших взрывников. Говоришь, у Любимова обратный билет на послезавтра? Что ж, надеюсь, он вернется. И вернется с Вобером.

* * *

Париж. Бульвар Сен-Жермен. Ресторан "Свиная ножка".

... "Астон" летел по ночному городу. Изредка Вобер при- тормаживал, и всегда на следующем перекрестке или в тем- ной арке обнаруживался патрульный "Пежо". Артем тара- щился в окно, подмечая полное отсутствие рекламных щитов и растяжек. Этот похвальный недостаток с лихвой вос- полняли неоновые вывески на французском и английском языках, стены зданий подмигивали разноцветными огонька- ми, витрины соревновались между собой дизайном, подсвет- кой и выставленным товаром. Артем почти отошел от стыч- ки и теперь с нетерпением ждал рассказа Вобера. События последних дней гарантировали, что рассказ этот будет более чем занимателен.

В полированном боку купе отразились фонари на площа- ди Бастилии, шины прошуршали по Аустерлицкому мосту. Вобер свернул на набережную Сен-Бернар и заявил:

– Я передумал.

– Что?! – возмутился Артем.

– Передумал ехать домой, – с улыбкой добавил Клод. – Ес- ли они вычислили мою машину, то и дом – наверняка. При- дется поселиться пока в отеле, но прежде мы заедем переку- сить. Что скажешь?

– Согласен, у меня на нервной почве что-то аппетит разыгрался.

Автомобиль остановился у ресторана с вывеской "Свиная ножка". Через проёмы окон на тротуар лился приглушенный свет, грубый облицовочный камень напоминал кладку сред-

невековых замков. Рядом с массивной дверью, укрепленной полосами железа, висел на цепи медный гонг с колотушкой. Вобер ударил в него, через мгновение дверь открылась, и на пороге возник одноглазый вышибала.

– Привет, Густав! – сказал Клод по-русски. – Этот юноша со мной.

– Доброй ночи, месье Вобер! Проходите...

Артем переступил порог и огляделся. Напротив дверей висит огромное зеркало в позолоченной раме, составленной из множества рук. Стены закрывают потемневшие от времени дубовые панели, декорированные щитами, перекрещенными алебардами и головами различных животных, порой и вовсе фантастических. На мозаичном полу стоят резные стулья и круглые столы под клетчатыми скатертями, расцветкой напоминающие шотландский килт. Прикрепленные цепями к потолочным балкам висят кованые люстры в форме колес. В большом камине исходят жаром толстые поленья, языки пламени лижут дверцу из огнеупорного стекла, тщаьсь вырваться на свободу. С небольшой эстрады льются звуки лиричной баллады.

Из-за стойки вышел подтянутый мужчина и, расставив руки, пошел к Воберу.

– Клод, дорогой, давненько тебя не было!

– Здравствуй, Анри! Ты же знаешь, какой я занятой человек. Познакомься, это Артем Любимов, талантливый русский художник. Артем, перед тобой хозяин этого замеча-

тельного заведения Анри Булон.

– Рад встрече, юноша!

Рукопожатие нового знакомого оказалось довольно крепким, но тот вовремя ослабил хватку и сказал заговорщицким тоном:

– Если уж Клод привёл вас сюда, то вы не только талантливый художник, уж поверьте мне.

Он провел их к свободному столу. Зачарованный убранством ресторана, Артем не сразу обратил внимание на посетителей.

Двое бородатых мужчин через проход с энтузиазмом поглощали фирменное блюдо заведения – свиные ножки с гарниром из картофеля и зелени. Рядом красовались прислоненные к стене топоры. Одежда бородачей состояла из шкур, перетянутых кожаными ремнями, засаленных штанов и теплых плащей с блестящими пряжками. Один из мужчин опорожнил внушительную кружку и подмигнул Артему. Тот поспешил отвести взгляд.

В соседней кабинке сидел молодой человек в стильном костюме. В ухе мигал огонек клипсы "блютуза", пальцы порхали над клавиатурой ноутбука. В перерывах между работой юноша одновременно ел, разговаривал по телефону и просматривал газету, мечтая, видимо, о славе Цезаря. Артем покачал головой и обернулся на смех.

В дальнем конце зала компания подростков в блестящих одеждах веселила подружек. Один бросал через стол жарен-

ную фасоль, другой старался поймать её ртом. Остальные хором считали удачные попытки, промахи сопровождались безудержным хохотом. На компанию стали оглядываться. Градус веселья понизил Густав – под его тяжелым взглядом подростки собрали обронённые бобы, в это время девушки с завидным мастерством строили вышибале глазки. Посоветовав употреблять, а не кидать еду, Густав вернулся к двери.

– Ну, как тебе тут? – спросил Вобер, с интересом наблюдая за реакцией Артема.

– Впечатляет. Здесь что, рядом театр?

– А, вот ты о чем. Нет, эти люди в повседневной одежде, просто они из разных мест... разных отражений.

– Откуда?

– Хм, может сначала поедим?

Анри как раз принес две порции фирменного блюда и запотевший кувшин. От свиных ножек шел такой одуряющий аромат, что Артем немедленно согласился с Вобером. В кувшине оказалось терпкое вино. Пока они ели, бородачи закончили трапезу и, расплатившись с хозяином, вышли из ресторана. Артем поперхнулся – на миг в проеме показался лес, сквозь зеленые листочки просвечивало солнце... Густав закрыл дверь. Артем вытер салфеткой рот и буркнул:

– Я сыт.

* * *

Париж. Авеню Рей. Дом Вобера.

Двухэтажный особняк прятался от любопытных глаз за высоким забором. Ворота состояли из железных прутьев, которые сплетались по краям в лилии, а в центре складывались вензелем "CV". Тускло поблескивала начищенная ручка в виде оскаленной морды дракона. На заборе отсутствовали таблички, предупреждающие о злых собаках, высоком напряжении и прочих сдерживающих факторах, но дом ни разу не грабили за всю его почти трехсотлетнюю историю. Авеню Рей вообще редко попадало в сводки жандармерии, здесь жили серьезные и состоятельные люди. Место считалось престижным, рядом располагался парк Монсури с озером, вдоль дороги росли каштаны. Шум и суета большого города оставались в центре Парижа, на авеню же текла спокойная и размеренная жизнь. Два грохочущих мотоцикла совсем не вписывались в эту идиллию.

Оставив байки в тени деревьев, мужчины подошли к воротам. Один достал бинокль с множеством кнопок. Второй подергал калитку ворот.

– Заперто...

– А ты думал, он для тебя её открытой оставит? – хмыкнул Рене, плавно поводя биноклем. – В доме никого. В саду бродят три пса. Здоровые.

– Собак не люблю, – признался Жак.

– Ха, они тебя тоже! Помнишь, как ты ротвейлера хотел покормить? Жалко, что он тебе всю руку не отхватил, знал бы тогда, как в меня стрелять!

– Я же случайно!

– Ага, а я теперь два дня ничего жрать не смогу, пока кишки не срastутся. Дьявол, да где этот Вобер шляется?! Машины тоже нет...

– Чего будем делать?

– Снимать штаны и бегать. Ждать будем, вот чего!

Они отступили к мотоциклам. В доме напротив зажегся свет. Жак достал пачку "Галуаз", меж ветвей каштана заструился дымок. Рене покосился на приятеля и буркнул:

– Никотин тебя убьет.

Жак ухмыльнулся избитой шутке, огонек сигареты вспыхнул ярче. Когда последний столбик пепла упал в траву, в начале улицы показались фары, а свет в доме напротив погас. Рене достал из мотоциклетного кофра короткоствольный автомат – больше рисковать он не хотел. Фары медленно приближались. Вскоре стали видны синие полосы на боках автомобиля. Патрульный "Пежо" остановился неподалеку от дерева, под которым спрятались бандиты. Пронзив ночную мглу, вспыхнул прожектор. В ослепительном свете Рене почувствовал себя голым, пальцы стиснули оружие. Жак потянулся к наплечной кобуре.

– Поднимите руки и выйдите к машине! – приказал усиленный громкоговорителем голос.

– Ага, щас! – крикнул Рене и спустил курок.

Пули защелкали по металлу, посыпались стекла. Лопнул с громким хлопком прожектор. Прячась за дверцами автомо-

бия, карабинеры открыли ответный огонь. Жак выругался – левая рука повисла плетью. Укрывшись за деревом, Рене грызлся одиночными выстрелами.

– Смываемся! – крикнул он. – Сейчас еще набегут!

Жак кивнул. Пустив в сторону патрульных длинную очередь, Рене завел мотоцикл. Из-под колес полетели клочья дерна. Бандиты рванули вдоль забора и, выскочив на дорогу, прибавили газу. Хлопнули дверцы, взвыла сирена. Рации жандармерии заголосили о помощи.

Рев двигателей вспорол тишину ночного Монсури и испугнул спящих голубей. Рене сообразил, что на пешеходных дорожках парка погоня отстанет – так и вышло. Вспышки маячков вскоре поблекли. Петляя между деревьев, бандиты достигли бульвара Журдана.

По пустынной улице проехал одинокий мусоровоз. Рене махнул Жаку, они выбрались из прикрытия кустов на асфальт. Миновали стадион, свернули к кладбищу. Ворота оказались приоткрыты, темные окна часовни равнодушно наблюдали за вторжением живых в обитель мертвых. Остановившись у склепа с изображением крылатой женщины, Рене прислушался. Вой сирен прокатился дальше по бульвару. Жак баюкал раненую руку, из пробитого бака на траву лился бензин.

– Приехали, – констатировал Рене и медленно достал телефон. – Господин, это я. Нас засекли ажаны*, мы еле ушли.

Мотоцикл Жака сломался. Да... да... готовы понести любое наказание. Мы раскаиваемся, простите нас. Да, я понял. Всё сделаем!

Рене вытер вспотевший лоб. Беседа с хозяином всегда отнимала у него много сил, гортанный голос сковывал мысли и подавлял волю. Рене нисколько не сомневался, что в один прекрасный момент этот голос может приказать ему – и он сам вырвет у себя сердце, столько силы и власти было в речи господина. Сегодня повезло, осталась возможность загладить вину, но впредь судьбу лучше не испытывать.

Рене бережно достал из специального кармана куртки испещренный рунами контейнер размером со стакан. Даже через толстую сталь руки ощутили жар узника. Рене приложил к выемке медальон, висящий на шее. Контейнер завибрировал мелкой дрожью. Бандит поставил его на землю и поспешил отойти.

– Что ты делаешь? – шепотом спросил Жак.

– Выпускаю саламандру, – так же тихо ответил Рене, не спуская глаз с раскаленного контейнера.

* * *

Париж. Бульвар Сен-Жермен. Ресторан "Свиная ножка".

Артем смотрел на Вобера и медленно свирепел. Клод с видимым удовольствием пережевывал мясо, забрасывал в рот пучки зелени, не забывая запивать всё это вином. Крепкие зубы перемалывали хрустящий картофель, раскусывали хря-

щики, Вобер вновь прикладывался к бокалу. Внутреннее блюдо пустело, но не так быстро, как хотелось Артему. А Клод опять дегустировал вино! Булон одобрительно поглядывал на него из-за стойки и по необходимости менял кувшины. Наконец, Вобер подчистил лепешкой последние капли соуса и благодушно откинулся на спинку стула.

– Как я соскучился по кухне Анри! Нигде так вкусно не готовят! И заметь, все окружающие полностью разделяют мое мнение.

– Кстати, об окружающих, – процедил сквозь зубы Артем.

– *Oui, retournons a nos moutons,** – кивнул Клод и продолжил: – Сюда приходят люди из разных отражений. Отражения – это слепки одного мира, но живут они по собственным законам. В определенные моменты развития, чаще всего при сильных потрясениях или катастрофах, от изначальной прародины отпочковываются новые реальности. Природа – а это главный бог, в мудрости своей дает право на существование многим видам. Слабые вымирают, сильные остаются. Ты не представляешь, Артем, сколько отражений сгорело в термоядерных войнах, вымерло в результате глобальных эпидемий или изменилось настолько чудовищно, что Природа сочла за благо очистить скверну вулканами и наводнениями.

– И где все эти миры помещаются? – спросил Артем, уже перестав злиться на Вобера.

– Да прямо здесь, вокруг нас! Все отражения находятся в одной точке пространства, но разделены барьерами. Если

проще, это та же матрешка, только все фигурки в ней одинаковы.

– Все равно не понял, – признался Артем.

– Хорошо, представь планету Земля. Скажем, на Америку падает огромный метеорит. Бац, и практически все американцы исчезают как нация. Представил?

– Еще как!

– Это отражение "один". В момент удара, а возможно и до него, возникает отражение "два", где никакой катастрофы не было. Американцы живут дальше, продолжают устраивать войнушки за нефть и насаждают свое виденье демократии по всему миру. Природа переиначивает систему измерений и сущности отражения "два" не видят и не чувствуют реальностей отражения "один", как тень не видит своего хозяина.

– Допустим. Тогда как люди из разных отражений пересекаются в этом ресторане?

– Природа никогда не бросает свои творения. Она перекидывает людей, события, объекты из одного мира в другой, тасует отражения как колоду карт, чтобы добиться нужного результата. В точках перехода возникают аномальные области, где разные системы измерений уравниваются, и эти порталы остаются неизменными на протяжении многих веков. Например, в отражении Земля самой известной областью перехода является Бермудский треугольник. В таких местах часто пропадают люди и даже целые города, как, на-

пример, град Китеж, ушедший от людской несправедливости в другой, лучший мир. Ну, а отставной военный Анри – замечу, по моей подсказке! – когда-то открыл в зоне портала ресторан. Здание существует одновременно в большинстве отражений и открыто для любого человекоподобного существа.

– Здорово! Но почему люди всегда попадают именно в свой мир? Я видел, как те охотники вышли в солнечный лес, хотя у нас тут центр города и вообще ночь на дворе.

– За это отвечает механизм на входе в ресторан. Кстати, уникальное в своем роде устройство и стоит столько, что за эти деньги можно скупить на корню весь Париж... да и Францию в придачу. Впрочем, Анри давно оправдал затраты.

– Получается, мне в другие отражения путь заказан? – разочаровался Артем.

– *Absque omni exceptione**, иная система измерений повернет тебя в ключья, – подтвердил Клод и, помолчав, добавил: – Если только ты не перехитришь природу.

– А такое возможно?!

– Этим и занимаются мастера иллюзий.

* * *

Ажаны жарг. – прозвище французских полицейских.

Oui, retournons a nos moutons фр. – Да, вернемся к нашим баранам.

Absque omni exceptione лат. – Без всякого сомнения.

Глава 7

Санкт-Петербург. Улица Мытнинская. Клуб "Бразилия".

Отвратительное настроение не покидало Глеба с утра, когда Смолин вернулся с планерки мрачнее тучи. Начальник в коротких, но ёмких выражениях высказал всё, что думает о ФОС в целом и о Ломове – в частности. Оказалось, федералы ничего не накопили по взрыву Казанского собора и уцепились за материалы, собранные полицейскими.

Между маленьким отделом и могучей спецслужбой отношения не сложились с момента возникновения "Сигмы". Охранители никогда не считали нужным делиться информацией, но плодами чужих трудов всегда пользовались с удовольствием. Отчасти они были правы: прежде всего безопасность страны, а уж какими способами она обеспечена – вопрос десятый, но, когда твои наработки нагло берут и используют, забывая даже сказать спасибо – такое отношение не способствует плодотворному сотрудничеству.

Несмотря на большие возможности ФОС, команда Смолина часто обыгрывала разветвленную, но медлительную службу на своем поле – городе на Неве. Глеб с удовольствием вспомнил про недавнее задержание банды чеченских боевиков, собиравшихся взорвать стадион имени Кирова прямо во время футбольного матча. Федералы еще только раскачивались, а Шаврин уже нашел и обезвредил все три устройства кустарного изготовления. Здесь ведь главное что? Нуж-

но быстро разобраться в конструкции и понять принцип действия – только голливудские злодеи используют синие и красные проводки, а в жизни, тем более в России, "адские машинки" изготавливают из того, что бог пошлет. Или Аллаха.

Приятное воспоминание истончилось под грузом черных мыслей. Глеб допил пиво и заказал еще кружку. Ему не давал покоя взрыв Казанского собора. Какое вещество использовали террористы? Что за устройство способно развалить огромный храм на равные кубики, точно детский конструктор? Глеб ответов не знал и от этого мучился еще больше. Ни разу за всю карьеру взрывотехника у него не случалось таких осечек. Как говорится, сапер ошибается один раз, но тут и ошибаться не в чем – наплюй на профессиональную гордость и распишись в собственном бессилии, что он и сделал в ответ на вопрос командира. Глеб вспомнил, как беспомощно мямлил перед лицом начальства, скривился и залпом опорожнил кружку. Бармен уважительно посмотрел на крупного мужчину, официант отнес за столик новую порцию пива – бывают, значит, и у таких гигантов черные полосы в жизни.

Правильно Павел Аркадьевич сделал, что послал меня отдохнуть, подумал Глеб. Чем я могу помочь команде? Да ничем! Даже с прямыми обязанностями не справляюсь, чего уж тут говорить о выдвижении версий и анализе ситуации? Это прерогатива Кузьмина, а его только Ланочка и может пере-

спорить.

Перед Глебом предстало лицо девушки: длинные темные волосы, зеленые глаза с пушистыми ресницами, чувственные губы. На душе потеплело. Шаврину нравилось работать в "Сигме": интересные расследования, хорошая зарплата, строгий, но справедливый командир, а главное – рядом единственная девушка, от которой щемит сердце. Вот только объяснить с ней не удалось до сих пор, как только выпадал подходящий момент, двухметровый мужчина заикался, краснел как школьник и ничего не мог с этим поделать.

"Никчемный ты человек, Шаврин!" – пришла уничижительная мысль. Такое утверждение требовало всестороннего рассмотрения. Глеб обвел мутным взглядом клуб и помянул официанта. На столе материализовались полная кружка, блюдо жареных креветок, ведерко фисташек и форелевый балык. Если не съем, так понадкусываю, хмыкнул Глеб и продолжил лечиться от депрессии.

Посетители прибывали, в десять вечера началась танцевальная программа. За столик к Шаврину подсадили молодую парочку. Парень долго изучал меню и заказал, наконец, два дешевых пива и пакетик чипсов. Глебу стало даже обидно за соседа и он широким жестом объединил угощение. Симпатичная девушка с удовольствием слушала байки Шаврина, её кавалер нервничал, но благоразумно молчал, а Глебу вдруг стало смешно – ведь у него есть Лана, зачем ему развлекать кого-то еще? К тому же язык почему-то начал за-

плетаться. Расплатившись по счету, Глеб пожелал парочке хорошо провести время и нетвердым шагом вышел на улицу.

Холодный ночной воздух трезвил, и Шаврин решил пройтись до дома пешком, благо недалеко и район знает, как свои пять пальцев. Под ногами шуршали опавшие листья, лунный свет преображал знакомые с детства дома в сказочные замки, и казалось, что идёшь уже не по родному Питеру, а по совершенно другому городу. Миновав третью арку, Глеб остановился. Звание лейтенанта полиции не позволяло справлять нужду в общественных местах, но выпитое пиво не делало скидок даже стражам правопорядка. Стыдливо сгорбившись, Глеб приткнулся между стеной здания и ржавым фургоном, успокаивая себя аргументом, что лучше потерять совесть, чем мочевой пузырь. Все угрызения вскоре отступили перед новым, всеобъемлющим чувством: Господи, хорошо-то как!

Под грузовик натекло целое озеро. Застегнув ширинку, Шаврин просветленным взглядом окинул улочку. Свидетелей его счастья не было, но мир определенно изменился: стал лучше, добрее и заиграл новыми красками. Глеб икнул. Изпод арки действительно били разноцветные лучи! Прямо в воздухе разрасталось яркое пятно, из которого выдвинулось дуло гигантской пушки. Шаврин потер глаза. Явственно запахло гарью, грохот выстрела бросил Глеба на асфальт. Огромное ядро врезалось в стену дома, сверкнула вспышка и всё стихло. Яркое пятно и мортира бесследно исчезли. По-

шатываясь, Глеб поднялся, ощупал внушительную шишку на затылке. В глазах двоилось. Ни в одном окне не зажегся свет, облака закрыли луну и темнота окутала двор.

– Чтобы я еще раз так нажрался, – пробормотал Шаврин и громко икнул. – Мерещится чёрти шо!

* * *

Париж. Бульвар Сен-Жермен. Ресторан "Свиная ножка".

...Официант убрал со стола пустые тарелки, Анри принес новый кувшин, блюдо с фруктами и сыром. Выслушав одного из подростков, трио сменило балладу на веселую французскую песенку.

– Значит ты – мастер иллюзий? – спросил Артем.

– Представь себе, – ответил Клод, внимательно разглядывая измочаленную зубочистку. – Похож?

– Не знаю. Ты мне столько всего наговорил, что голова идет кругом, уже ни в чём не уверен.

– погоди, постепенно всё уложится. Ты готов принять необычные вещи, это уже хорошо. Я потому и не вывалил сразу на тебя ворох информации, чтобы ты сначала увидел доказательства моим словам. Вообще, я очень рад, Артем, что мы встретились, чутье меня не подвело. Ты молод, твой мозг еще не заостенел в догмах, и есть шанс полностью раскрыть в тебе способности дуала.

– Кстати о дуалах!

– Да-да, я же обещал всё рассказать.

– Но вечно находил предлог, чтобы оттянуть этот момент, – заметил Артем.

– Раньше ты бы просто назвал меня сумасшедшим и не стал ничего слушать.

– А вот и нет!

– Не будем спорить, я много раз видел, как относятся люди ко всему странному и необычному. Теперь о твоих способностях...

Прозвучал гонг. Вобер с удивленным видом повернулся на звук. Густав переглянулся с Анри и, пожав плечами, взялся за дверную ручку.

Бум! От сильного удара вышибала мячиком улетел в другой конец зала. Сбив танцующих подростков как кегли, Густав врезался в щит на стене и сполз на пол. В проем двери прыгнуло нечто.

Артем и под пытками не назвал бы это существо человекоподобным. Ростом не выше метра, больше всего оно напоминало вставшую на задние лапы ящерицу: гибкое тело, покрытый шипами длинный хвост, конечности с крючковатыми пальцами, приплюснутая голова. На красной коже расцветали оранжевые пятна, воздух вокруг создания дрожал, словно в раскаленной пустыне. Вывернутые ноздри задвигались, ловя запахи. Приоткрылась усеянная мелкими зубами пасть. Существо странно выгнулось и, расставив лапы, повернулось к Артему. Вспыхнули угольки глаз.

– Саламандра! – крикнул Булон.

Завизжали девушки. Артем распластался на полу, Вобер перевернул стол и выставил его наподобие щита. Монстр зашипел. Согнутые ноги распрямились, бросив тело пружиной вперед и вверх, но за мгновение до этого ожило зеркало. Стекло потемнело, по раме прокатилась дрожь и множество рук выстрелило в саламандру. Она яростно рванулась, но тщетно – золоченые пальцы тисками сжали добычу. Артем выглянул из-за стола. Тело саламандры раскалилось, она отчаянно сопротивлялась захвату, прибегнув к своей сущности – стихии огня. Волна жара прокатилась по ресторану, ловчее зеркало тонко заголосило.

К стойке подбежал очнувшийся Густав, в его единственном глазу пылала ненависть. Анри подал вышибале огнетушитель.

– Получай, тварь!

Хлопья белой пены захлестнули монстра. Раздалось громкое шипенье, повалил дым. Густав, не останавливаясь, поливал саламандру из огнетушителя. Анри вытащил из-за стойки новый баллон, но добавки не требовалось. Золоченые пальцы разжались, на пол стукнулась уменьшенная копия монстра. Руки втянулись обратно в раму и зеркало приняло обычный вид.

– Дамы и господа! Вы только что наблюдали редчайшее зрелище – укрощение саламандры! – возвестил Анри, подняв красную фигурку каминными щипцами. – Прошу извинить, если это маленькое представление кого-то излишне на-

пугало!

В зале раздались аплодисменты. Посыпались заказы на вино, посетители бурно обсуждали неожиданный номер. К Булону подошли несколько завсегдатаев, громко выражая свой восторг. Густав закрыл дверь и присел на табурет, тяжело дыша. Вобер поднял стол, официант вытер пролитое вино и прибрал на полу.

– И часто тут такие представления? – спросил Артем, пытаясь унять дрожь в голосе.

– Второй раз, – хмыкнул Клод. – В первый Густав лишился глаза. После этого Анри купил ловчее зеркало и повесил на дверях предупреждение "Только для человекоподобных".

– А саламандра читать не умет? И вообще, что это за тварь такая?

– Милые ящерки, живут в долине вулканов отражения Берлинго. Тебе они показались бы застывшими фигурками, время для них течет совсем по-другому. Если саламандра попадает в лаву, то перерождается в следующую стадию – быструю. Её мы и наблюдали. По легенде, когда-то один купец неосторожно уронил красную статуэтку в очаг и воскликнул: "Какой же я безрукий!". Из огня вылез монстр и обрубил ему эти самые руки. Так люди узнали, что в момент перерождения можно потребовать у саламандры всё, что угодно, и с большой вероятностью она это выполнит, ведь убить её невозможно.

– А как же Густав?

– Просто вернул саламандру в медленную стадию.

Артем посмотрел на каменную полку за стойкой, куда Булон поставил ценную статуэтку. Маленькая ящерка смешно растопырила лапки, словно толкала накрывшую её колбу из огнеупорного стекла. Вобер дотронулся до уха и заговорил по-французски. Артем вновь наполнил бокалы. Вино обладало терпким вкусом и почти не пьянило, лишь по телу разливалось приятное тепло и на душе становилось легко и спокойно.

– Звонили из жандармерии, – сказал Клод. – Как я и ожидал, наши приятели устроили засаду у моего дома, но их заметил сосед-ювелир и сдал карабинерам. Была стрельба, бандиты скрылись. Думаю, саламандру выпустили именно они... если бы мы не зашли в ресторан, пришлось бы туго.

– Да что это за люди?! – воскликнул Артем. – Там, на стоянке, я видел, как одному разворотило живот, а он спокойно встал и пошел.

– Это не люди, это големы.

– И что?

– Големы по сути биороботы. Они медленно соображают, трусоваты, но это компенсируется выносливостью и быстрой регенерацией. Убить их можно только прямым попаданием в нервный центр размером с монету, который к тому же защищен прочным скелетом.

– Понятно, универсальные солдаты. Почему они охотятся за нами?

– Выполняют приказы своего создателя... Артем, нам нужно срочно заехать ко мне и вооружиться. Балдур решил взяться за меня всерьез, я должен подготовиться. Пойдем!

Вобер попрощался с Анри и передал ему небольшую сумку.

– Comme d'habitude*? – спросил Булон.

– Да, информация на кристалле. Извини за саламандру, она приходила за нами.

– Пустяки, у меня теперь клиентов только прибавится. Cave*! Приятно было познакомиться, юноша!

– Мне тоже, – ответил Артем и, проходя мимо вышибалы, сказал: – Хорошая работа, Густав.

– Приходите естчѐ, – подмигнул единственным глазом тот.

Выйдя на улицу, Клод повернулся к ресторану.

– Артем, что ты видишь?

– Как что? Двухэтажное здание в средневековом стиле с вывеской по-французски.

– Смотри внимательно. Дуал тем и отличается от простых людей, что может видеть как истинную картину мира, так и ткань иллюзий.

Артем потер глаза и уставился на ресторан. Сначала ничего не происходило, но постепенно края здания размылись, мутная пелена начала стягиваться к центру. Периферийное зрение отключилось. Стены подернулись дымкой, изображение сузилось до маленького кружка, но стало таким четким,

что Артем различил тончайшие трещинки в камнях кладки. Он мигнул. Перед ним возник роскошный особняк с вывеской уже на русском языке: "Три поросенка". На железной двери висела табличка: "Вход только по приглашениям". Артем мигнул снова. Особняк превратился в необхватное дерево с дуплом входа. Следующей появилась колонна маяка, глухая стена склада, собранная из бревен корчма, светлое здание из стекла и хрома... Изображения сменяли друг друга, неизменным оставалось только наличие вывески и таблички. Артем комментировал видения, пока не защипало в глазах. Он мигнул и вновь оказался перед знакомым рестораном.

– Поразительно! – воскликнул Клод. – Ты видел другие отражения, понимаешь?! Я и не надеялся... Ты просто молодец!

– Merci!* – ответил польщенный Артем, недоумевая: и как это у него получилось?

* * *

Санкт-Петербург. Улица Мытнинская.

Шаврина всю ночь мучили кошмары. Ему снилось, что два клоуна в синих спецовках хватают его и засовывают в гигантскую пушку. Звучит барабанная дробь, зрители замолкают. Вспыхивает луч прожектора. Выдержав паузу, уродливый конференсье бросает в микрофон отрывистые фразы:

– Дамы и господа! Впервые на арене! Смертельный номер!

Человек-ядро!

Глеб старается выбраться из жерла, но руки связаны, кляп во рту мешает дышать. Клоун подносит горящий факел к фитилю, искры падают на опилки арены. Грохот выстрела! Экстаз зрителей! Глеб пробивает купол цирка и устремляется в темное небо. Яркая вспышка! И трель звонка...

Шаврин поднял голову с влажной подушки, машинально отметив, что вчера завалился спать прямо в одежде. Мобильник уже упал с тумбочки и теперь вибрировал на полу, оглашая комнату веселым пиликаньем. По всей видимости, звонили давно. Не вставая с постели, Глеб накрыл мерзкий телефон ладонью и, приготовившись послать абонента в недоступные дали, нажал кнопку.

– Глеб, спишь что ли?!

– А... нет, Павел Аркадьевич! Звонка не слышал.

– Понятно, а то я думал, ты вчера напился с горя. Вид у тебя такой был, гм... соответствующий. Извини, что прерываю заслуженный отдых, но ты нам нужен здесь и сейчас.

– Ничего страшного... что случилось-то?

– Дом взорвали. Кстати, недалеко от тебя.

– На Мытнинской? – брякнул Глеб, вспомнив вчерашние видения.

– Точно. Мы уже на месте, когда подтянешься?

– Минут через десять.

– Ждем!

Глеб спустил ноги в ботинках на пол и провел рукой по

затылку. Шишка оказалась на месте. Пульсирующая боль отдавалась в голове, во рту пылала Сахара. Пройдя на кухню, Глеб достал из холодильника пакет томатного сока. В памяти всплывали обрывки вечера: бар, уставленный пивом стол, симпатичная девушка, темный двор, вспышка, жерло пушки, грохот выстрела. Значит, ему не почудилось? Глеб поймал себя на том, что тупо таращится в зеркало, где отражается кухня, взъерошенный мужик с красными глазами и настенные часы. Из десяти отведенных минут осталось пять. Чертыхнувшись, Глеб опорожнил пакет с соком, запихал в рот полпачки "дирила" и выскочил на улицу.

На месте происшествия уже работали эксперты. Кивнув знакомым, Шаврин подошел к Смолину.

– Привет, Глеб, – сказал майор. – Плохо выглядишь, не заболел часом?

– Поздно лег. Что тут?

– Опять повезло, если можно так выразиться. Дома предназначены под снос, жильцов давно расселили, логика взрывников совершенно непонятна. Утром бабушка позвонила, она тут собачку выгуливает, сообщила о дыре в стене. Рабочих, говорит, нет, а дыра есть – подозрительно, черт возьми! Чего задумался?

– Схожу, посмотрю...

Из круглого тоннеля торчали куски перекрытий и пруты арматуры. Верх провала доходил до окон третьего этажа. Шаврин включил фонарь и осторожно пошел вперед. Под

ногами хрустело стекло, сверху изредка сыпалась пыль. Тоннель закончился через десяток метров. Глеб провел рукой по ровной вмятине, луч фонаря зашарил по стенам. Никаких железных осколков, но что ядро существовало в действительности, Шаврин уже не сомневался. Самое время сдаваться. Смолин ждал снаружи, дымя сигаретой.

– Павел Аркадьевич, не взрыв это.

– А что?

– В-общем, я вчера выпил в "Бразилии"...

– Так-так!

– Да, а после бара решил пройтись пешком...

Глеб рассказал о выстреле из призрачной пушки, огромном ядре и даже продемонстрировал шишку на затылке. Смолин выслушал сбивчивые объяснения и затушил окурок носком ботинка.

– Так сколько ты, голубь мой, выпил?

– Павел Аркадьевич, это правда, я всё видел собственными глазами!

– И как объяснишь?

Шаврин развёл руками. У Смолина запиликал сотовый. Поговорив по телефону, майор крикнул:

– Джорджик, хватит опрашивать бабушек, возвращаемся на базу! – и, повернувшись к Глебу, добавил: – Кузьмин звонил. Он просматривал сводки по другим районам – этой ночью во всем городе творилась какая-то чертовщина.

Шаврин облегченно выдохнул. Подозрения в белой горяч-

ке отпали.

* * *

Comme d'abitude? фр. – Как обычно?

Cave! лат.– Будь осторожен!

Merci! фр. – Спасибо!

Глава 8

Париж. Авеню Рей. Дом Вобера.

...Дверцы и капот патрульного "Пежо" украшали пулевые пробоины, ветровое стекло покрывала паутина трещин. Разбитый прожектор вылетел из кронштейна и висел на проводке. Одиноко светила правая фара. Качая головой, один карабинер разглядывал повреждения, второй картавил в рацию. В кои-то веки авеню Рей попало в сводки жандармерии!

Шины мягко прошуршали по асфальту. Клод свернул на ведущую к дому дорожку и опустил стекло. Луч фонарика скакнул к автомобилю, подошедший офицер вскинул ладонь к фуражке.

– Доброй ночи, месье Лемар!

– Доброй, Луи. С кем воевали? – спросил Вобер.

– Ох, месье, с двумя грабителями. У них были автоматы и мотоциклы. Настоящие бандиты! Мы гнались за ними, но они свернули в парк и словно испарились. Все патрули оповещены, мы вызвали криминалиста и до утра побудем здесь. Вам не о чем беспокоиться!

– Спасибо, Луи. Я заехал ненадолго, проверю дом.

– Конечно, месье. Звонил комиссар, он хочет задать вам несколько вопросов. Возможно, утром у вас найдется время посетить участок?

– Peut-être *.

Миновав ворота, "Астон" остановился в круглом дворике перед особняком в стиле рококо. Стены украшали ниши с застывшими воинами и щиты в обрамлении завитков, из перил вырастали фигурки крылатых ангелов, винтообразные колонны венчали переплетенные ветви. По периметру крыши шла балюстрада, перекрываемая постаментами. С них за происходящим внизу наблюдали каменные девушки в римских тогах и с копьями. В стеклах арочных окон отражался свет фонарей. Двор также окружали мраморные клумбы, в глубь сада уходили дорожки желтой плитки, обрамленные стриженным кустарником.

Артем вылез из автомобиля и с наслаждением потянулся. От выпитого вина клонило в сон, организм нуждался в отдыхе, чтобы переварить новые знания и впечатления. Подлинная реальность оказалась намного интереснее и глубже, чем представлял Артем, и вдвойне приятно, что ему отводится в ней место не простого наблюдателя, а полноправного участника игры. Правда, игра эта с каждым днем становится всё опасней, но ведь Вобер-то рядом! Артему захотелось сказать что-нибудь приятное старшему другу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.